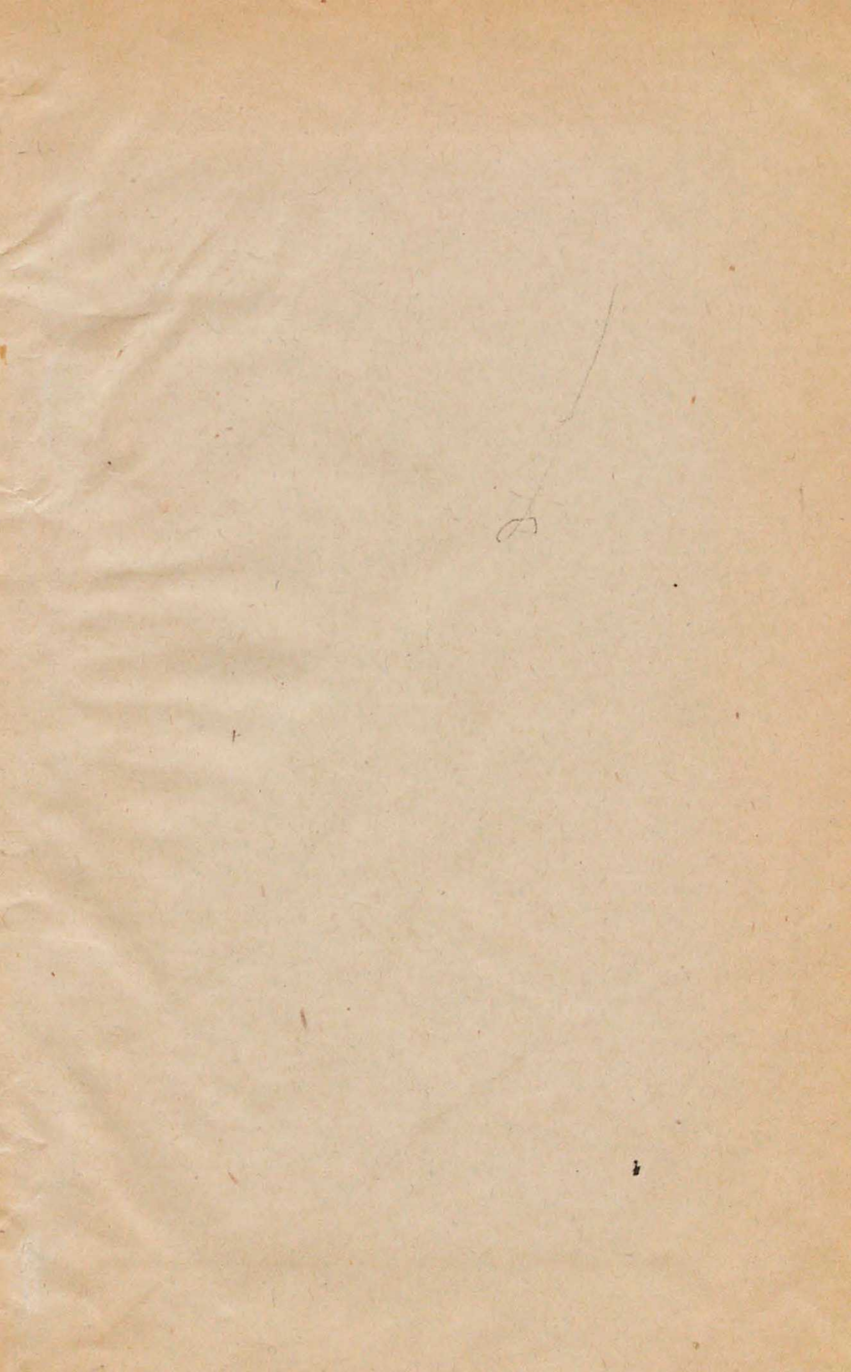

10
6643

А. ЧЕРНЫЙ

ЖАЖДА

А. ЧЕРНЫЙ

ЖАЖДА

BUCHDRUCKEREI LUTZE & VOGT G. M. B

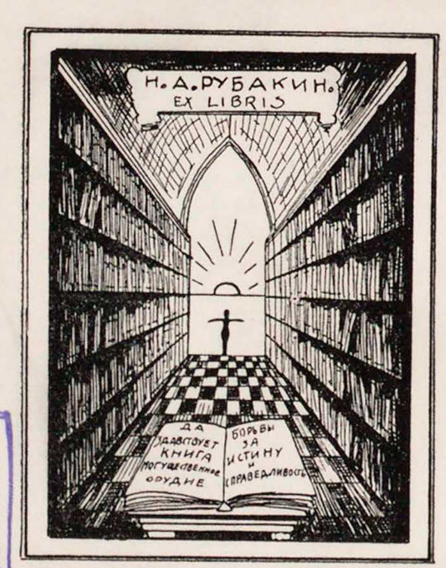
А. ЧЕРНЫЙ

ЖАЖДА

Третья книга стиховъ

(1914 — 1922)

ИЗДАНІЕ АВТОРА. БЕРЛИНЪ 1923.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КНИГА МОГУЩЕСТВЕННОЕ ОРУДИЕ
БОРЬБЫ ЗА ИСТИНУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ВОЙНА

2020074201

ПѢСНЯ ВОЙНЫ.

Прошло семь тысячъ пестрыхъ лѣтъ —
Пускай прошло, ха-ха!
Еще жирнѣе мой обѣдъ,
Кровавая уха...
    Когда-то эти дураки
    Дубье пускали въ ходъ
    И, озвѣрѣвъ, какъ мясники,
    Калѣчили свой родъ:
        Женщинъ въ пламень,
        Младенцевъ о камень,
        Плѣнныхъ на дно —
        Смѣшно!

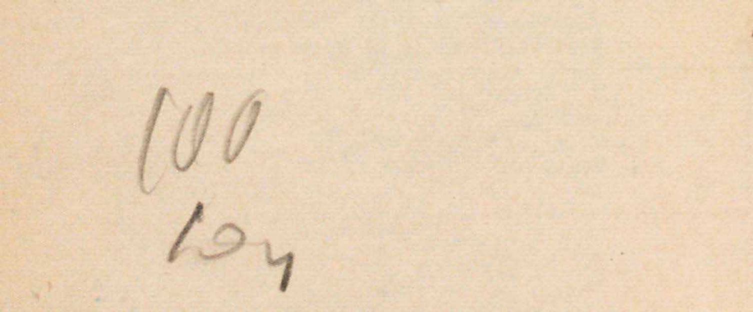
Теперь — наука мой мясникъ, —
Уже средь облаковъ
Порой взлетаетъ хриплый крикъ
Надъ брызгами мозговъ.
    Милльоны рукъ изъ года въ годъ
    Льютъ пушки и броню,
    И все плотнѣй кровавый ледъ
    Плыветъ навстрѣчу дню.
        Вопли прессы,
        Мессы, конгрессы,
        Жены, какъ ночь...
        Прочь!

Кто всѣхъ сильнѣе, тотъ и правъ,
А нужно доказать, —
Расправься съ дерзкимъ, какъ удавъ,
Чтобъ пересталъ дышать!
Врагъ тотъ, кто рветъ изъ пасти кость,
Иль — у кого ты рвешь.
Я на землѣ — безсмѣнный гость,
И миръ — смѣшная ложь!
Укладывай въ гробъ,
Прикладами въ лобъ,
Штыки въ животъ, —
Впередъ!

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1950 г
12							10/109	

16/1—100000

100

СБОРНЫЙ ПУНКТЪ.

На Петербургской Сторонѣ въ стѣнахъ военнаго училища
Столичный людъ притихъ и ждетъ, какъ души блѣдныя чистилища.
Сгрудясь пугливо на снопахъ, младенцевъ кормятъ грудью женщины, —
Что горе ихъ покорныхъ глазъ предъ темнымъ грохотомъ военщины? . .
Ковчегъ-манежъ кишитъ толпой. Ботфорты чавкаютъ и хлюпаютъ.
У грязныхъ столиковъ врачи нагое мясо вяло щупаютъ.
Надъ головами въ полумглѣ проносятъ баки съ дымной кашею.
Оторопѣлый пиджачекъ, крестясь, прощается съ папашею . . .
Скользятъ галантно писаря, — бумажки треплются подмышками,
Въ углу — невинный василекъ — хохочетъ дѣвочка съ мальчишками.
У всѣхъ дверей, склонясь къ штыкамъ, торчатъ гвардейцы мѣднолицые,
И женскій плачъ, звеня въ вискахъ, пугаетъ близкой небылицею. . .
А въ сторонѣ, сбивъ насъ въ ряды, — для всѣхъ чужіе и безликіе,
На спинахъ мѣломъ унтера коряво пишутъ цифры дикія.

1914 г.

НА ФРОНТЪ.

За раскрытымъ пролетомъ дверей
Проплываютъ квадраты полей,
Перелѣски кружатся и вѣютъ одеждой зеленой,
И бѣгутъ телеграфныя нити грядой монотонной...
Мягкій вѣтеръ въ вагонъ луговую прохладу принесъ.
Отчего такъ сурова холодная пѣсня колесъ?

Словно сѣрыя птицы вдоль наръ
Никнутъ спины замолкнувшихъ паръ —
Люди смотрятъ туда, гдѣ сливается небо съ землею
И на лицахъ колеблются тѣни угрюмою мглою.
Ребятишки кричатъ и гурьбою бѣгутъ подъ откосъ.
Отчего такъ тревожна и жалобна пѣсня колесъ?

Небо кротко и ясно, какъ мать.
Стыдно блѣдныя губы кусать!
Надо выковать новое крѣпкое сердце изъ стали
И забыть тѣ глаза, что послѣдній вагонъ провожали.
Теплый воротъ шинели шуршитъ у щеки и волосъ —
Отчего такъ нѣжна колыбельная пѣсня колесъ?

1914 Августъ.

РЕПЕТИЦІЯ.

Соломенное чучело
Торчитъ среди двора.
Животъ шершавый вспучило, —
А сбоку дѣтвора.

Сталъ лихо въ позу бравую,
Штыкъ вынесъ, стиснулъ ротъ,
Отставилъ ногу правую,
А лѣвую — впередъ.

Несусь, какъ конь пришпоренный:
«Ура! Ура! Ура!»
Мелькаетъ строй заморенный,
Пылища и жара . . .

Сжалъ пальцы мертвой хваткою,
Во рту хруститъ песокъ,
Шинель жжетъ ребра скаткою,
Грохочетъ котелокъ.

Легко-ли рысью — пѣшему?
А рядомъ унтеръ вскачь:
«Коли! Отставить! Къ лѣшему» . . .
Нѣтъ паѳоса, хоть плачь.

Фельдфебель, гусь подкованный,
Баситъ среди двора:
«Видать, что образованный» . . .
Хохочетъ дѣтвора.

НА ЭТАПѢ.

Этапный дворъ кишѣлъ людьми — солдатскою толпой.
Квадратъ казармъ раскинулъ ввысь окошекъ рядъ
слѣпой.
Подъ сапогами ныла грязь, въ углу пестрѣлъ ларекъ:
Сквозь гроздья ржавой колбасы дулъ вешній вѣтерокъ.
Защитный цвѣтъ тупымъ пятномъ во всѣ концы-
распухъ,
Отъ ретирадовъ у стѣны шелъ нудный смрадный духъ...
Весь день плыветъ сквозь ворота солдатская рѣка:
Одни — на фронтъ, другіе въ тылъ, а третьи — въ
отпуска . . .
А за калиной возлѣ бань въ загонѣ — клинъ коровъ:
Навозъ запекся на хребтахъ . . . Гдѣ лугъ? Гдѣ лѣсъ?
Гдѣ кровъ? . . .
Въ глазахъ — предчувствіе и страхъ. Вздыхаютъ и
мычатъ . . .
Солдаты сумрачно стоятъ и смотрятъ и молчатъ.

АТАКА.

На утренней зарѣ
Шли русскіе въ атаку . . .
Изъ сада на бугрѣ
Врагъ хлынулъ лавой въ драку.

Кровавый дымъ въ глазахъ.
Штыки ежами встали, —
Но вотъ въ пяти шагахъ
И тѣ и эти стали.

Орутъ, грозятъ, хрипятъ,
Но двѣ стѣны ни съ мѣста —
И вотъ . . . пошли назадъ,
Взбивая грязь, какъ тѣсто.

Весна цвѣла въ саду.
Лазурь вверху сквозила . . .
Въ пятнадцатомъ году
Подъ Ломжей это было.

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Двухпудовые ботфорты,
За спиной мѣшокъ — горбомъ,
Ноги до крови натерты.
За рѣкой — орудій громъ...
    Наши сѣрыя когорты
    Исчезаютъ за холмомъ.

Я наборщикъ изъ Рязани,
Безпокойный человѣкъ.
Тамъ, на рынкѣ, противъ бани,
Жилъ соперникъ пекарь-грекъ:
    Обольстилъ модистку Таню,
    Погубилъ меня навѣкъ...

Продалъ я пиджакъ и кольца,
Все равно ложиться въ гробъ!
Зазвенѣли колокольцы,
У воротъ мелькнулъ сугробъ...
    Записался въ добровольцы
    И попалъ ко вшамъ въ окопъ.

Исходилъ земныя дали,
Шинеленка, какъ тряпье...
Покурить-бы хоть съ печали,
Да въ кисетѣ... Эхъ, житье!
    Плѣннымъ нѣмцамъ на привалѣ
    Подъ Варшавой роздалъ все.

Подсади, землякъ, въ повозку,
Истомился, не дойти...
Застучалъ прикладъ о доску,
Сердце замерло въ груди —
    Вѣтеръ гнетъ и рветъ березку,
    Пыль кружится на пути.

За оврагомъ перепалка:
Пули елочки стригутъ...
Цѣловала, какъ русалка,
А теперь — терзайся — тутъ!
    Хочешь водки? Пей, не жалко!
    Завтра все равно убьютъ.

ПРИВАЛЪ.

У походной кухни лентой —
Разбитная солдатня.
Отогнувъ подолъ брезента,
Кашеваръ поитъ коня . . .

Въ крышкѣ гречневая каша,
Въ котелкѣ дымятся щи.
Небо — синенькая чаша,
Надъ лозой гудятъ хрущи.

Сдунешь къ краю листъ лавровый,
Круглый перецъ сплюнешь вбокъ,
Откроишь ломоть здоровый,
Ѣшь и смотришь на востокъ.

Спать? Не клонитъ . . . Лучше къ рѣчкѣ
Гимнастерку простирать.
Солнце пышетъ, какъ изъ печки.
За прудомъ темнѣетъ гать.

Желтыхъ тѣлъ густая каша,
Копошась, гудитъ въ водѣ . . .
Ротный шутъ, ефрейторъ Яша,
Рака прячетъ въ бородѣ.

А у рощицы тѣнистой
Сѣлъ четвертый взводъ въ кружокъ:
Русской пѣсней голосистой
Захлебнулся бережокъ.

Солнце выше, пѣсня лише:
«Тараканъ мой, тараканъ!»
А басы ворчатъ все тише:
«Заползъ Дунѣ въ сарафанъ»...

ПЛѢННЫЕ.

У «Червоннаго Бора» какіе-то странные люди.
Съ Марса, что-ли упали? На каскахъ сѣрѣютъ чехлы,
Шинелями, какъ панцыремъ, туго затянуты груди,
А стальные глаза равнодушно-надменны и злы.

Вдоль шоссе подбѣгаютъ пѣхотные наши михрютки:
Интересно! Воюешь, — а съ кѣмъ, никогда не видалъ.
Тѣмъ — табакъ, тѣмъ — краюшку... Трещатъ и
гудятъ прибаутки.
Люди съ Марса стоятъ неподвижнѣе скалъ.

«Ишь, какъ волки!».. «Боятся?» «Что сдуру трепать
языками...
Въ плѣнъ попалъ, — такъ шабашъ. Все равно, что
воскресъ»...
Отбѣгаетъ пѣхота къ обозу, гремя котелками.
Мѣрно двинулись каски къ вокзалу подъ темный навѣсъ.

ПИСЬМО ОТЪ СЫНА.

Хорунжій Львовъ принесъ листокъ, —
Измятый розовый клочекъ,
И фыркнулъ: «Вотъ, писака!»
    Среди листка кружокъ-пунктиръ,
    Въ кружкѣ каракули: «Здѣсь миръ»,
    А по бокамъ: «Здѣсь драка».

Въ кружкѣ царила тишина:
Сіяло солнце и луна,
Средь розъ гуляли пары,
    А по бокамъ — толпа чертей,
    Зигзаги огненныхъ плетей
    И желтые пожары.

Внизу, въ полоскѣ голубой:
«Ты не ходи туда, гдѣ бой.
Цѣлую въ глазки. Мишка».
    Вздохнулъ хорунжій, сплюнулъ вбокъ
    И спряталъ бережно листокъ:
    «Шесть лѣтъ. Чудакъ, мальчишка»...

ВЪ ОПЕРАЦІОННОЙ.

Въ коридорѣ длинный хвостъ носилокъ...
Всѣ глаза слились въ тревожно-скорбный взглядъ
Тамъ за бѣлой дверью красный адъ:
Ножъ визжитъ по кости, какъ напилокъ, —
Острый, жалкій и звѣриный крикъ
Въ сердце вдругъ вонзается, какъ штыкъ...
За окномъ играетъ майскій день.
Хорошо-бъ пожить на бѣломъ свѣтѣ!..
Дома — поле, мать, жена и дѣти —
Все темнѣй на блѣдныхъ лицахъ тѣнь.

А тамъ, за дверью, костлявый хирургъ,
Забрызганный кровью, словно пятнистой вуалью,
Засучивъ рукава,
Взрѣзаетъ острою сталью
Зловонное мясо...
Осколки костей
Дико и странно наружу торчатъ,
Словно кричатъ
Отъ боли.
У сестры дрожитъ подбородокъ,
Чадъ хлороформа, какъ сладкая водка —
На столѣ неподвижно желтѣетъ
Несчастное тѣло.
Псковичъ-санитаръ отвернулся,
Голую ногу зажавъ неумѣло,
И смотритъ, какъ пьяный, на шкапъ...

На полу безобразно алѣетъ
Свѣжимъ отрѣзомъ бедро.
Полное крови и гноя ведро...
За стеклами даль зеленѣетъ —
Чета голубей
Воркуетъ и ходитъ бочкомъ вдоль карниза.
Варшавское небо — прозрачная риза
Все голубѣй...

Усталый хирургъ
Подходитъ къ окну, жадно дымитъ папироской,
Вспоминаетъ родной Петербургъ
И хмуро трясетъ на лобъ набѣжавшей прической:
Каторжный трудъ!
Какъ дрова, ихъ сегодня несутъ,
Несутъ и несутъ безъ конца...

ЛЕГЕНДА.

Это было на Пасху, на самомъ разсвѣтѣ:
Надъ окопами таялъ туманъ.
Сквозь бойницы чернѣли колючія сѣти
И качался засохшій бурьянъ.

Боробьи распѣвали вдоль насыпи лихо.
Жирнымъ смрадомъ курился откосъ. . .
Между нами и ими печально и тихо
Проходилъ одинокій Христосъ.

Но никто не узналъ, не повѣрилъ видѣнью:
Съ крикомъ вскинулись стаи воронъ,
Злыя пули дождемъ надъ святою мишенью
Засвистали съ обѣихъ сторонъ. . .

И растаялъ — исчезъ онъ надъ гранью оврага,
Тамъ, гдѣ солнечный плавился склонъ.
Говорили одни: «сумасшедшій бродяга», —
А другіе: «жидовскій шпіонъ». . .

ВЪ ШТАБѢ НОЧЬЮ.

Въ этомъ домѣ сумасшедшихъ
Надо быть хитрѣй лисы:
Чуть осмыслишь, чуть очнешься —
И соскочишь съ полосы...
Мертвымъ свѣтомъ залитъ столикъ.
За стѣной храпитъ солдатъ.
Полевые телефоны
Подъ сурдинку верещатъ.
На столѣ копна пакетовъ —
Бухгалтерія войны:
«Спѣшно». «Въ собственныя руки»...
Клопъ гуляетъ вдоль стѣны.
Сердце падаетъ и пухнетъ,
Алый шмель гудитъ въ вискахъ.
Смерть, смѣясь, къ стеклу прильнула...
Эй, держи себя въ рукахъ!
Хриплый хохотъ сводитъ губы:
Оборвать-бы провода...
Шашку въ дверь! Пакеты въ печку! —
И къ собакамъ — навсегда.
Отошло... Забудь, не надо:
Съ каждымъ днемъ — короче счетъ...
Перебой мотоциклета
Закудахталъ у воротъ.

ЧУЖАЯ КВАРТИРА.

Поручикъ Жмыхъ, сорвавъ съ дверей печать,
Насъ водворилъ въ покинутой квартирѣ:
Желѣзная, разрытая кровать,
На синей печкѣ кафельныя лиры,
На стѣнкѣ, позабытый впопыхахъ
Портретъ приготовишки въ новой формѣ.
Лишь часъ назадъ, на чьихъ-то сундукахъ,
Мы подъ дождемъ дрожали на платформѣ.
Чужой уютъ... Увы, не въ первый разъ
Влѣзаемъ мы въ покинутыя гнѣзда...
Кто у окна, не осушая глазъ,
Въ послѣднiй часъ сквозь садъ смотрѣлъ на звѣзды?
Кто выросъ здѣсь, въ уѣздномъ городкѣ,
Подъ сѣнью липъ и стараго костела?..
Фонарь дрожитъ въ протянутой рукѣ,
Нырнула мышь у шкафа въ щелку пола...
«Гдѣ чайникъ, эй?» Раскрытъ походный столъ.
Трещитъ свѣча въ замусленной бутылкѣ
И вѣстовой, работая, какъ волъ,
У свѣтлой печки сало жжетъ на вилкѣ.
Штабсъ-капитанъ, разрывъ до дна чуланъ,
Вернулся съ книжкой и смѣется: «Чеховъ!»
Спиртъ — на столѣ. Кряхтитъ старикъ-диванъ.
Закуска? Хлѣбъ и горсти двѣ орѣховъ...

А завтра вновь отхлынемъ мы назадъ
И, можетъ быть, отъ этого уюта
Останется обугленный фасадъ, —
И даже мышь не сыщетъ здѣсь прiюта.
Храпятъ носы изъ сѣрыхъ одѣялъ. . .
Не оторвать рѣсницъ отъ милой книжки!
А съ койки кто-то сонно пробурчалъ:
«Возьми съ собой портретъ приготовишки». . .

Замброво.

ПОДЪ ЛАЗАРЕТОМЪ.

Тихъ подвалъ библіотечный.
На плитѣ клокочетъ супъ.
Надъ окошкомъ чижъ безпечный
Молча чиститъ въ клѣткѣ чубъ.
Въ нишѣ стараго окошка
Спитъ, клубкомъ свернувшись, кошка,
И, свисая надъ вазономъ,
Льются внизъ дождемъ зеленымъ,
Въ яркомъ солнцѣ трепеща,
Кудри буйнаго плюща.
На комодѣ, какъ павлины, —
Два букета изъ тафты:
Изумрудные жасмины
И лиловые кусты . . .
Предъ фаянсовымъ святымъ
Тѣни плаваютъ, какъ дымъ,
И, томясь, горитъ на складкѣ
Темносиній глазъ лампадки.
Толстый заяцъ изъ стекла
Спитъ на вязаной салфеткѣ,
Чижикъ слабо пискнулъ въ клѣткѣ
И нырнулъ подъ сѣнь крыла.

Лѣтній день горитъ на шторахъ.
Тамъ подъ сводомъ у дуги
Зашуршалъ протяжный шорохъ —
Это раненыхъ шаги . . . . .

. . . .

Скучно имъ . . . Порой сюда
Костыли, гремя, сползаютъ:
Люди смотрятъ и вздыхаютъ, —
И въ глазахъ горитъ: «Когда?» . .

Варшава. Зданіе университета.

БУДНИ.

Мелкій дождикъ такъ и чешетъ,
Такъ и лупитъ, такъ и льетъ!

По грязному перрону
Шагаетъ тусклый штыкъ...
Къ товарному вагону
Подъѣхалъ грузовикъ:
Насъ пять, у всѣхъ лопаты,
Льетъ дождикъ... Мгла и мразь
Понурые солдаты
Слѣзаютъ молча въ грязь.
Рванули дверь вагона
Съ присловіемъ роднымъ...
Картофельное лоно
Торчитъ горбомъ крутымъ.
Скребемъ, пыхтимъ и роемъ,
Горланитъ паровикъ.
Картошка тусклымъ роемъ
Влетаетъ въ грузовикъ.
Бросаемъ взлетъ за взлетомъ,
Въ ногахъ пищитъ гнилье,
Дымитъ солдатскимъ потомъ
Промокшее бѣлье...

«Шабашъ! Къ собакамъ! Буде!»..
Закрывъ рогожей лбы,
Сгрудились въ кучу люди,
Какъ темные гробы.
Другъ друга молча грѣемъ,
Трясется грузовикъ,
А капли липкимъ клеемъ
Ползутъ за воротникъ.

Мелкій дождикъ такъ и чешетъ,
Такъ и лупитъ, такъ и льетъ...

ОТСТУПЛЕНІЕ.

Штабы поднялись. Оборвалась торговля и трудъ.
Весь день по шоссе громыхаютъ обозы.
Тяжелыя пушки, какъ дальнія грозы,
За лѣсомъ ревутъ.
Кругомъ горизонта пылаютъ костры:
Сжигаютъ снопы золотистаго жита, —
Полнеба клубами закрыто . . .
Вдоль улицы нищаго скарба бугры.
Снимаются люди, — бездомныя птицы-скитальцы,
Фургоны набиты дѣтьми, лошаденки дрожатъ . . .
Вдали по жнивью, обмотавъ раздробленные пальцы,
Угрюмо куда-то шагаетъ солдатъ.
Возы и двуколки и кухни и дѣвушка съ клѣткой въ телѣгѣ,
Потокъ безконечныхъ колесъ,
Тревожная мысль о ночлегѣ,
И въ каждыхъ глазахъ торопливо-пытливый вопросъ.
Всталъ мѣсяцъ — оранжевый щитъ,
Промчались казаки. Грохочутъ обозы, —
Все глуше и глуше невидимыхъ пушекъ угрозы . . .
Все громче бездомное сердце стучитъ.

РЕВИЗІЯ.

Генералъ сидитъ, какъ Будда.
Вьется пыль . . . .
Словно ржавая посуда
Дребезжитъ автомобиль.
Морды встрѣчныхъ лошадей
Столбенѣютъ отъ испуга, —
Брички лѣзутъ другъ на друга,
А шоферъ молчитъ, злодѣй . . .
«Что-жъ ты, такъ тебя и такъ,
Не даешь сигнала, лѣшій?!»
Генералъ разжалъ кулакъ
И, смутясь, провелъ по плѣши:
«Не выходитъ . . . Дуроломъ!
Ты-бъ, того-съ, потише, Павелъ».
Тотъ склонился надъ рулемъ
И помчался, словно дьяволъ.
Генералъ сидитъ, какъ Будда,
Сбоку врачъ, какъ Ганнибалъ,
А моторъ, стальная груда,
Ржетъ, какъ пьяный Буцефалъ.

Быстро въ госпиталь вошли:
Сбоку шашки, снизу шпоры.
Два служителя вдали
Дуютъ вскачь по коридору . . .
Канцелярія, какъ гробъ:
Омертвѣлъ письмоводитель,
Передъ нимъ, понуривъ лобъ,
Умирающій смотритель.
«Что-жъ, вы, а? Гдѣ главный врачъ?»
«Онъ, Ва-ва-шество, въ отлучкѣ» . . .
Генералъ вскочилъ, какъ мячъ, —
Съ полчаса тянулась взбучка!
«Гдѣ талоны на дрова?
«Гдѣ фуражный листъ вашъ? Черти . . .
«Не подсчитанъ?! Черта-съ два!
«Эскулапъ, вы ихъ провѣрьте!»
Генералъ ушелъ по дѣлу.
Врачъ остался съ фуражемъ —
Липкій потъ поползъ по тѣлу
И къ ногамъ скользнулъ ужемъ:
Изъ соломы-ль вычесть сѣно,
Иль съ овсомъ сложить ячмень?
Сколько ѣстъ кобыла въ день?
Сколько влѣзетъ, — несомнѣнно . . .
Но раскрыть свое профанство, —
Окончательный провалъ.
Врачъ геройски подсчиталъ
И сказалъ, зѣвнувъ въ пространство:
«Все въ порядкѣ-съ. Вотъ вашъ листъ.
Экономите на сѣнѣ . . .
Впрочемъ, я спеціалистъ
По врачебной гигіенѣ» . . .

Генералъ подъ шорохъ шинъ
Жметъ врача тяжелымъ задомъ.
Справа рядомъ
Краснокрестный важный чинъ.
Между ними, какъ въ гнѣздѣ,
Врачъ сидитъ съ довольной миной.
Вонъ у ржи по бороздѣ
Важно ходитъ аистъ чинный . . .
Вѣтеръ ластится въ лицо,
Тѣло робко молодѣетъ,
Свѣжій лѣсъ, раскрывъ кольцо,
За шоссе, кружась, темнѣетъ . . .
Сердце сильнаго мотора
Бьется скоро — скоро — скоро,
За спиной
Промелькнула старушенка,
Васильки спѣшатъ вдогонку,
Желтый хлѣбъ бѣжитъ волной . . .
Генералу генералъ
Молча всунулъ въ ротъ леденчикъ, —
И врачу конфету далъ,
Улыбаясь, какъ младенчикъ . . .
Вьется пыль,
Дребезжитъ автомобиль.
Генералъ опять, какъ Будда . . .
А за лѣсомъ вновь разгулъ:
Эхо пушечнаго гуда
И протяжный, нудный гулъ.

ОДА

на оставленіе докторомъ Дрежевецкимъ 18-го полевого госпиталя.

Вы слышите сдержанный внутренній плачъ,
Исполненный скорбью недѣтской?
Покинулъ, покинулъ насъ главный нашъ врачъ,
Коллежскій совѣтникъ Дрежевецкій!
Онъ свѣтелъ былъ духомъ и черенъ лицомъ
И матерью былъ намъ и былъ намъ отцемъ . . .

Всегда у руля, сквозь туманы и тьму
Онъ велъ свой корабль госпитальный.
Со всякою всячиной лѣзли къ нему
И врачъ и сестра и дневальный —
Но все разрѣшалъ онъ, какъ царь Соломонъ:
Разумно — согласенъ, нелѣпица — вонъ!

Любилъ чистоту онъ, какъ юноша ромъ,
Чуть-что, багровѣлъ онъ, какъ свекла,
Зато даже мухи не смѣли при немъ
Садиться и гадить на стекла . . .
И щетки и швабры и метлы весь день
За каждымъ окуркомъ гонялись, какъ тѣнь.

Съ утра онъ по лѣстницамъ мчался въ галопъ:
То въ ванной мелькнетъ, то у пробы,
Минута — сидитъ и глядитъ въ микроскопъ,
Какъ вертятъ хвостами микробы,
Мгновенье: стоитъ въ амуничныхъ дверяхъ —
И мчится фельдфебель къ нему на рысяхъ . . .

Больныхъ обряжали-ли спѣшно въ отъѣздъ, —
Какъ тигръ онъ гонялъ по палатамъ,
Съ челомъ непокрытымъ леталъ на подъѣздъ
И черта сулилъ провожатымъ . . .
Отправитъ — и снова грохочатъ слова:
«Не шаркай туфлями! Халатъ въ рукава!»

О томъ, какъ умѣлъ онъ писать рапорта
Здѣсь память еще не угасла:
Объ отпускѣ-ль дойныхъ коровъ изъ гурта,
Объ отпускѣ риса и масла . . .
И рокъ никогда къ нему не былъ суровъ:
Давали и масло и дойныхъ коровъ . . .

А какъ возсѣдалъ онъ за общимъ столомъ!
Какъ шахъ, какъ пружина изъ стали!
И сестры съ опущеннымъ долу челомъ
Гирляндой его окружали . . .
Сидѣлъ онъ и ѣлъ и за всѣмъ его взоръ
Слѣдилъ, какъ за хоромъ слѣдитъ дирижеръ.

Ушелъ . . . Овдовѣли теперь мы, увы . . .
Воскликнемъ же съ нѣжностью дѣтской:
Да будутъ пути его мягче травы!
Да здравствуетъ докторъ Дрежевецкій!
Онъ свѣтелъ былъ духомъ и черенъ лицомъ,
И матерью былъ намъ и былъ намъ отцемъ.

Псковъ. 2 февраля 1917.

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА К. П. ГУБЕРА.

Жилъ старикъ въ Житомірѣ, въ отставкѣ,
Яблони окапывалъ въ саду,
А пришла война, поднялся съ лавки
И, смѣясь, сказалъ роднымъ: «Пойду!
Старъ? Ну что-жъ, и старики нужны.
Гдѣ мои съ лампасами штаны?»

Днемъ и ночью ѣздилъ онъ вдоль фронта,
Воевалъ съ холерой, съ сыпнякомъ.
Козырекъ огромный ввидѣ зонта
Всѣмъ врачамъ былъ въ арміи знакомъ.
Пищу пробовалъ, нещадно гналъ ворягъ,
Не терпѣлъ ни трусовъ, ни бумагъ.

Лѣзъ въ окопы провѣрять приказы:
Какъ одѣты? Что ѣдятъ и пьютъ?
И у всѣхъ-ли есть противогазы?
Чуть не такъ — наладитъ въ пять минутъ.
И въ окопахъ вслѣдъ ему порой
Раздавалось: «Это, братъ, герой!»

А когда въ дни лютой суматохи,
Въ дни, когда ломился русскій станъ,
Лазареты мчались, словно блохи,
И на станціяхъ томились сотни ранъ —
Сколько разъ безсонный генералъ,
Какъ коня, смирялъ безумный шквалъ.

Трудъ безсмѣнный, слякоть, ночи въ полѣ,
Все онъ снесъ — такой ужъ былъ закалъ.
Въ Петербургъ далекій поневолѣ
Съ арміей на отдыхъ онъ попалъ —
Простудился и въ крупозкѣ злой
Сгинулъ въ утро, брезжущее мглой.

Хоронили въ полдень на Смоленскомъ.
Пѣли трубы, люди въ ногу шли.
На гробу, овѣянъ плачемъ женскимъ,
Козырекъ защитный плылъ вдали.
Воробьи чирикали кругомъ...
Все таки не голый фронтъ, а домъ.

Спи, старикъ! Ты былъ и простъ и честенъ.
Сколько жизней ты сберегъ въ поляхъ...
Подвигъ твой былъ людямъ неизвѣстенъ —
Пусть цвѣтетъ въ моихъ простыхъ стихахъ.
Пусть цвѣтетъ... Ты во время ушелъ
Въ тишину лазурныхъ, вѣчныхъ селъ.

СЕСТРА.

Сѣроглазая женщина съ книжкой присѣла на койку
И, больныхъ отмѣчая вдоль списка на бѣлыхъ поляхъ,
То за марлей въ аптеку пошлетъ санитара Сысойку,
То, склонившись къ огню, кочергой помѣшаетъ въ
углях ъ.

Рукавица для раненыхъ пляшетъ, какъ хвостъ трясогузки,
И крючекъ равномѣрно снуетъ въ освѣщенныхъ рукахъ,
Красный крестъ чуть замѣтно вздыхаетъ на сѣренькой
блузкѣ
И, сверкая починкой, бѣлье вырастаетъ въ ногахъ.

Можно съ ней говоритъ въ это время о томъ и объ
этомъ,
Въ коридоръ можно, шаркая туфлями, тихо уйти —
Удостоитъ, не глядя, разсѣянно-кроткимъ отвѣтомъ,
Но починка, крючекъ и перо не собьются съ пути.

Цѣлый день она кормитъ и чинитъ, склоняется къ
ранамъ,
Вечерами, какъ дѣтямъ, читаетъ больнымъ «Горбунка»,
По ночамъ пишетъ письма Иванамъ, Петрамъ и Степанамъ,
И луна удивленно мерцаетъ на прядяхъ виска.

У нея въ уголкѣ, подъ лекарствами, въ шкафикѣ бѣломъ,
Въ грязно-сѣромъ конвертѣ хранится армейскій приказъ:
Подъ огнемъ изъ подъ Ломжи въ теплушкахъ, спокойно и смѣло,
Всѣхъ въ бояхъ позабытыхъ она вывозила не разъ.

Въ прошломъ — мирные годы съ родными въ безоблачномъ Псковѣ,
Бѣготня по урокамъ, томленье губернской весны . . .
Сонъ чужой или сказка? Рѣка человѣческой крови
Отдѣлила ее навсегда отъ былой тишины.

Покормить надо съ ложки безрукаго парня-сапера,
Казака надо ширмой заставить — къ разсвѣту умретъ.
Подъ палатой галдятъ фельдшера. Вечеринка иль ссора?
Балалайка затенькала звонко вдали у воротъ.

Зачинила сестра на халатѣ послѣднюю дырку,
Руки вымыла спиртомъ, — такъ плавно качанье плеча,
Наклонилась къ столу и накапала капель въ пробирку,
А въ окошкѣ надъ ней вентиляторъ завился, журча.

НА ПОПРАВКѢ.

Одолѣла слабость злая,
Ни подняться, ни вздохнуть:
Девятнадцатаго мая
На развѣдкѣ раненъ въ грудь.

Цѣлый день сижу на лавкѣ
У отцовскаго крыльца.
Утки плещутся въ канавкѣ,
За плетнемъ кричитъ овца.

Все не вѣрится, что дома . . .
Каждый камень, словно другъ.
Ключъ бѣжитъ тропой знакомой
За оврагъ въ зеленый лугъ.

Эй, Дуняша, королева,
Глянь-ка, воду не пролей!
Бедра вправо, ведра влѣво,
Пятки сахара бѣлѣй . . .

Подсобить? Пустое дѣло! . .
Не удержишь — поплыла,
Поплыла, какъ лебедь бѣлый,
Вдоль широкаго села.

Тишина. Поля глухія,
За оврагомъ скрипъ колесъ . . .
Эхъ, земля моя Россія,
Да хранитъ тебя Христосъ!

1916.

НА ЛИТВѢ

ДОКТОРША.

I.

Шумитъ, поетъ и плещетъ Вилія.
Качается прибрежная пшеница...
У отмели — сырая колея,
А въ чащѣ домъ — приземистая птица.
Я поведу васъ узкою тропой, —
Вы не боитесь жабъ и паутины? —
Вдоль мельницы пустынной и слѣпой,
Сквозь заросли сирени и малины...
Вотъ здѣсь, за яблоней, уютно и темно:
Подъ сѣрымъ домомъ бортъ махровой мальвы.
Игрушка дѣтская уставилась въ окно,
А у порога щитъ съ привѣтомъ «Salve».
Скорѣе спрячьте въ яблоню лицо!
На пѣсню пчелокъ въ липовыхъ сережкахъ
Ребенокъ пухлый вышелъ на крыльцо,
Качаясь робко на невѣрныхъ ножкахъ.
Какъ хорошо жужжитъ въ травѣ родникъ!
Какъ много въ небѣ странной синей краски!
И вдругъ свиньѣ, взрывающей цвѣтникъ,
Смѣясь, грозитъ кистями опояски...
А мать сквозь садъ идетъ на шумъ въ овинъ,
Въ высокихъ сапогахъ, въ поблекшемъ платьѣ,

Спѣшитъ, перелѣзаетъ черезъ тынъ, —
Хранитъ свое добро отъ мѣстныхъ братьевъ.
Грубѣютъ руки, сердце и душа:
Здѣсь садъ, тамъ хлѣвъ, и куры, и коровы.
Старуха нянька бродитъ, чуть дыша,
И все бубнитъ, вздыхая, о Тамбовѣ . . .
Мужъ палъ въ борьбѣ съ мужицкимъ сыпнякомъ.
Одна среди полей и печенѣговъ,
Она, какъ волкъ, хранитъ дитя и домъ
Отъ злыхъ поборовъ и лихихъ набѣговъ . . .
Продастъ — обманутъ, купитъ — проведутъ,
За каждый ржавый гвоздь тупая свара, —
Звѣриный бытъ сжалъ сердце, словно спрутъ,
Всѣ дни въ грызнѣ — отъ кухни до амбара.
Но иногда, какъ свѣтлый добрый гость,
Зайдетъ кузнецъ иль тихая крестьянка —
И вотъ, стыдясь, бѣжитъ изъ сердца злость . . .
Войдутъ, вздохнутъ. Въ платочкѣ меду банка.
О мужѣ вспомнятъ: какъ онъ ихъ лечилъ.
Посѣтуютъ на новыя затѣи.
Кузнецъ серьезный, — руки въ сѣткѣ жилъ,
Тугой платокъ прильнулъ къ воловьей шеѣ . . .
Комодъ раскроетъ, зазвенѣвъ замкомъ,
Дастъ кузнецу пакетъ грудного чая,
А гостьѣ лифчикъ съ синимъ пояскомъ —
И вновь въ окно засмотрится, скучая.
Клубясь, плывутъ надъ садомъ облака.
Работа ждетъ: все злѣй торопитъ лѣто . . .
Въ стекло стучится дѣтская рука
Съ багряножелтой кистью бересклета.

II.

Уходитъ въ даль грядой литовскій лѣсъ.
Внизу полотна розовой гречихи.
Сквозь клочья сосенъ мрѣетъ глубь небесъ,
А въ бурой чащѣ бродитъ вѣтеръ тихій . . .
Клокочетъ ключъ, студеная вода.
На мшистомъ пнѣ, къ струямъ склонивши плечи,
Сидитъ она, сбѣжавши отъ труда,
И жадно ловитъ плескъ болтливой рѣчи.
Вода звенитъ о радости земной,
Вода шумитъ о вѣчности мгновенья.
На яркихъ мхахъ горитъ веселый зной,
И муравьи бѣгутъ у ногъ въ смятеньи.
У пня въ лукошкѣ пестрый кладъ грибовъ:
Лимонныя въ оборочкахъ лисички,
Моховики — охапки толстыхъ лбовъ
И вѣтка лакированной бруснички.
Она встаетъ, вздыхая, и идетъ:
Спѣшитъ сквозь лѣсъ къ полямъ и огороду,
Теленка приласкаетъ у воротъ
И броситъ въ будку хлѣба псу-уроду.
Табакъ подсохъ, на нижнихъ листьяхъ пыль,
Пора срывать, развѣшивать вдоль крыши . . .

Подъ грушу грузную, кряхтя, воткнетъ костыль,
Шугнетъ свиненка изъ балконной ниши...
Пройдетъ къ рѣкѣ и долго смотритъ въ даль:
Тамъ, далеко, за виленской землею,
Угрюмо бродитъ Русская Печаль,
Въ пустыхъ поляхъ, поросшихъ лебедою.
Тамъ близкіе: сестра и братъ и мать.
Но гдѣ? Но живы-ль? Нѣтъ путей оттуда...
Когда-бъ ихъ всѣхъ подъ этотъ кровъ собрать,
Вся жизнь вокругъ здѣсь расцвѣла-бъ, какъ чудо!
Проснулся-бъ сѣрый домъ и огородъ...
Что ей одной и кровля и избытокъ!
И трудъ бы сталъ ей радостью заботъ,
И плылъ-бы день за днемъ, какъ свѣтлый свитокъ...
Она глядитъ: вдоль бора ожилъ путь,
Въ пескѣ кляченки напрягаютъ ноги,
Плетутся бѣженцы. Въ глазахъ тупая жуть.
Въ телѣгахъ скарбъ, лохматый и убогій.
Такъ каждый день: какъ будто изъ могилъ
Они бредутъ за шагомъ шагъ оттуда, —
И каждый ей желаненъ былъ и милъ,
Какъ старый гость среди чужого люда.
Бѣжитъ, — разспроситъ... Горекъ ихъ отвѣтъ.
Телѣги завернетъ къ своей калиткѣ:
Идетъ въ чуланъ, и вмигъ готовъ обѣдъ,
И все, что есть, спѣша раздастъ до нитки...
И вотъ опять въ долину новыхъ бѣдъ,
Скрипя, ползутъ невзрачныя повозки.
Она стоитъ и молча смотритъ вслѣдъ.
Шумитъ рѣка. Качаются березки.

III.

Сѣдая ночь изъ сада смотритъ въ домъ.
Шуршатъ кусты, и сонно стонутъ ставни.
Спираль обоевъ свѣсилась винтомъ,
Подъ ней на стѣнкѣ замокъ стародавній.
Горитъ свѣча. На тонкое лицо
Дрожащій свѣтъ упалъ косымъ румянцемъ.
На рваной скатерти домашнее винцо,
И чай, и сыръ, и булки съ темнымъ глянцемъ.
У докторши сегодня пиръ горой:
И домъ другой, и вся она другая —
Сегодня утромъ въ тишинѣ сырой
Къ ней постучалась путница чужая.
Съ большимъ мѣшкомъ на худенькихъ плечахъ,
Косясь сквозь садъ на алые амбары,
Она, сіяя въ утреннихъ лучахъ,
Спросила: «Гдѣ дорога въ Кошедары?»
И какъ-то такъ, какъ въ поѣздѣ порой,
Онѣ разговорились незамѣтно, —
Ребенокъ разсмѣшилъ ее игрой,
И яблони кивнули ей привѣтно . . .
И вотъ осталась. Въ поздній темный часъ,
Какъ двѣ сестры, онѣ шептались тихо,

И пальцы ихъ сплетались много разъ,
А ночь въ окно смотрѣла, какъ волчиха:
Россія — заушенье — боль — и стыдъ,
И лисье бѣгство черезъ сто рогатокъ,
И наглый бичъ безсмысленныхъ обидъ,
И будущее — цѣпь нѣмыхъ загадокъ...
Вплетая въ шопотъ все растущій плескъ,
Въ саду запѣлъ дорожный колоколецъ.
Безпечный смѣхъ — и черныхъ вѣтокъ трескъ,
И лай собакъ изъ всѣхъ глухихъ околицъ...
Трещитъ крыльцо. Влетаютъ впопыхахъ
Веселыя, какъ буйныя цыганки,
Съ кульками и пакетами въ рукахъ
Три гостьи, три знакомыхъ хуторянки.
Подъ темнымъ небомъ толстый самоваръ
Опять гудитъ и мечетъ къ звѣздамъ пламя,
А въ комнатѣ раздолье и угаръ, —
Хохочетъ докторша, трясется замокъ въ рамѣ...
Журчитъ-звенитъ болтливый разговоръ:
«Въ обмѣнъ на соль добыли двѣ холстины,
И возъ жердей купили на заборъ!
И насушили куль лѣсной малины!..»
Мужчины *тамъ*... Вернутся-ль вновь назадъ?
Воюютъ? Сгинули? Съ востока нѣтъ ни слова.
А жизнь не ждетъ — и хлѣвъ, и лугъ, и садъ
Зовутъ къ работѣ властно и сурово.
Ни книгъ, ни нотъ... Движенья ихъ рѣзки,
И руки жестче дланей амазонокъ...
Смѣются, пьютъ. Къ свѣчѣ летятъ жуки.
Въ сосѣдней спальнѣ кротко спитъ ребенокъ.

IV.

Проходятъ дни... Въ аллеѣ свѣтъ и тѣнь,
Подъ липами лѣниво пляшутъ блики.
Тяжелый жерновъ, вдвинутый на пень,
Обросъ вокругъ усами ежевики...
Въ концѣ аллеи сѣвшій на бокъ склепъ:
За ржавой грудью выгнутой рѣшетки
Портретъ врача, вѣнокъ, истлѣвшій крепъ,
И глазъ лампадки, розовый и кроткій.
Кричитъ пѣтухъ. Въ колодезной бадьѣ
Полощатся лохматые утята.
Сквозь сѣть малины промелькнулъ въ ладьѣ
Старикъ-кузнецъ, отчалившій куда-то.
Передъ крыльцомъ понурый пѣгій конь,
Въ телѣжкѣ куль: мука — одежда — птица...
Раскрыла двери смуглая ладонь,
И вышла докторша и новая жилица.
Опять на Западъ, къ новымъ берегамъ, —
Напрасно та всю ночь ее молила
Остаться здѣсь, гдѣ кровъ и птичій гамъ,
Поля и трудъ и гладь рѣчного ила...
Нельзя! На Западъ! Гдѣ-то тамъ отецъ,
Она его напрасно ищетъ съ мая...

Ея знакомый, виленскій купецъ,
Видалъ его въ Дармштадтѣ у трамвая. . .
Возница влѣзъ на козлы и молчитъ.
Уходитъ гостья въ домъ обнять ребенка,
Вернулась, сѣла, — мягкій гулъ копытъ,
И вотъ въ кустахъ нырнула лошаденка. . .
Опять одна. . . Веранда спитъ въ лучахъ.
Въ окнѣ играетъ мирно съ нянькой Лиза.
Собака спитъ на старыхъ кирпичахъ,
И тминъ виситъ у пыльнаго карниза.
Пошла полоть въ дремучій огородъ,
За ней гурьбой вихлястые утята. . .
Но трудъ постылъ, — и снова отъ воротъ
Идетъ въ поля на зовъ рѣки косматой.
Слетѣлись галки къ отмели косой.
За Виліей штыки на солнцѣ блещутъ. . .
Хлѣба подъ вѣтромъ льются полосой,
И волосы изъ подъ платка трепещутъ.
Вдали у бора снова цѣпь телѣгъ:
Скрипятъ-ползутъ печальнымъ длиннымъ рядомъ.
Безудержный, мятущійся набѣгъ
Изъ русскаго бушующаго ада.
Она стоитъ и смотритъ: не понять! . .
Тучнѣетъ хлѣбъ въ томленіи лѣнивомъ,
Синѣетъ даль. Стрижей веселыхъ рать
Влетаетъ въ гнѣзда подъ рѣчнымъ обрывомъ.
У отмели — сырая колея.
Ребята плешутся. Щенокъ за уткой мчится . . .
Шумитъ, поетъ и плещетъ Вилія,
Качается прибрежная пшеница.

ОАЗИСЪ.

«Они войдутъ въ сады эдемскіе,
по которымъ текутъ рѣки: тамъ
для нихъ все, чего ни захотятъ».
Коранъ, гл. 16, ст. 33.

Когда душа мрачна, какъ гробъ,
И жизнь свелась къ краюхѣ хлѣба,
Невольно подымаешь лобъ
На свѣтлый зовъ бродяги Феба, —
И смѣхъ, волшебный алкоголь,
Наперекоръ земному аду,
Звеня, укачиваетъ боль,
Какъ волны мертвую наяду . . .

Любой зеленый лѣтній день,
Домишко, елка у оврага,
Добрякъ-пріятель, зной и тѣнь —
Волнуютъ небывалой сагой . . .
Сядь, Муза, вотъ тебѣ канва, —
Распутай всѣ шелка и гарусъ,
И пусть безпечныя слова
Заткутъ узоромъ вольный парусъ!

. . . .

Матвѣй Степанычъ, адвокатъ,
Владѣлецъ хутора подъ Вильно,
Изящно выгнувъ торсъ назадъ,
Сказалъ съ улыбкою умильной:
«Ну, что-жъ, задумчивый поэтъ,
Махнемъ-ка къ тетушкѣ на хуторъ?
Тамъ воздухъ сладокъ, какъ шербетъ,
Тамъ есть и сыръ, и хлѣбъ и буттеръ . . .

И вотъ пошли. Плывутъ поля . . .
Гудитъ веселый столбъ букашекъ.
Какъ паруса вдоль корабля,
Надулись пазухи рубашекъ.
Бормочетъ пьяный вѣтерокъ,
Отъ елокъ тянетъ скипидаромъ.
Степанычъ жаритъ сквозь песокъ,
А я за нимъ плетусь омаромъ.

Пришли! Внизу звенитъ рѣка
Живой и синенькой полоской.
Вверху съ ужимкой старика
Присѣлъ на горкѣ домикъ плоскій.
На кухнѣ тетушка стучитъ.
Въ столовой солнце — древній пращуръ . . .
Матвѣй Степанычъ ѣстъ, какъ китъ,
А я, какъ допотопный ящуръ!

Ѣда — не майскій горизонтъ
И не лобзаніе русалки,
Но безъ ѣды и самъ Бальмóнтъ
Въ недѣлю станетъ тоньше палки...
  Господь далъ зубы намъ и пасть
  (Но, къ сожалѣнью, мало пищи), —
  За цѣлый тощій мѣсяцъ всласть
  Наѣлись мы по голенище!...

Ведро парного молока!
Горшокъ смоленской жирной каши,
Бедро соленаго быка
И двѣ лоханки простокваши!!
  Набивъ фундаментъ, адвокатъ
  Идетъ, икая, на крылечко.
  Я сзади, выпучивъ фасадъ,
  Какъ растопыренная печка.

Передъ крыльцомъ свирѣпый песъ
Раскрылъ зловѣще глазенапы,
Но вдругъ раздумалъ, поднялъ носъ
И положилъ на грудь мнѣ лапы.
  Сирень, какъ дьяволъ, расцвѣла!
  Глотаю воздухъ жадной глоткой.
  Надъ носомъ дзыкаетъ пчела
  И машетъ липа мощной щеткой.

Пошли въ лѣсокъ и сѣли въ тѣнь.
Степанычъ сунулъ въ ротъ былинку,
Надвинулъ шляпу на бекрень
И затянулъ свою волынку:
«Интеллигентный блудный сынъ,
Къ сосцамъ земли припалъ я снова . . .
Какъ жукъ, взобравшійся на тынъ,
Душа въ лазурь летѣть готова!»

«Старикъ Руссо вполнѣ былъ правъ:
Рокъ горожанъ ужасно тяжекъ . . .
Какъ славно средь коровъ и травъ
Дня три прошляться безъ подтяжекъ!
Поѣсть, поспать, пойти въ поля,
Присѣсть съ пастушкой возлѣ ели . . .
Земля! Да здравствуетъ земля! . . .
Какого черта въ самомъ дѣлѣ!» . . .

— «Какой, вздохнулъ я, «тамъ Руссо!
Здѣсь — хуторъ, въ городѣ — кліенты.
Лицо, какъ круглое серсо . . .
Бываютъ, братъ, милѣй моменты:
Пиджакъ рѣдѣетъ, какъ вуаль,
Въ желудкѣ — совѣстно повѣдать . . .»
Племянникъ, пасть уставивъ вдаль,
Оретъ намъ издали: «О-бѣ-дать!»

Опять ѣдимъ! О, супъ съ лапшей,
Весь въ жирныхъ глазкахъ, желтый, пылкій . . .
На стулъ трехногій сѣвъ пашей,
Степанычъ ѣстъ, какъ молотилка . . .
«Что слышно въ городѣ? — «Угу.»
Напрасно тетушка спросила:
Кто примостился къ пирогу,
Тотъ лаконичен, какъ могила . . .

Въ гостиной — рыхлая софа,
На днѣ софы — животъ и пятки.
Дымится трубочка. Лафа!
Синьоръ, уснули? — Взятки гладки.
Какъ моржъ, храпитъ мой визави,
На лбу колышется газета,
И мухи въ бѣшенствѣ любви,
Жужжа, флиртуютъ вдоль жилета.

На стѣнкѣ въ бусахъ и въ чадрѣ
Виситъ грудастый бюстъ Тамары.
Запѣли пилы на дворѣ,
Душа напѣвнѣе гитары . . .
Шуршатъ страницы подъ рукой:
«Война и миръ», «Новѣйшій сонникъ».
Слѣжу, прильнувъ къ столу щекой,
Какъ ѣдетъ въ небо подоконникъ . . .

Но вотъ въ стекло ползетъ закатъ,
Краснѣя, словно алкоголикъ.
Въ столовой мисками стучатъ . . .
Не обойтись, увы, безъ коликъ!
Кряхтя, пріятель мой встаетъ,
Ворчитъ спросонья заклинанья
И долго смотритъ на животъ,
Какъ Чингисхана изваянье.

Хлопочетъ тетушка опять
И начиняетъ насъ, какъ утокъ.
Вдвоемъ пудовъ, пожалуй, съ пять
Съѣдимъ мы здѣсь въ теченьи сутокъ!
«Матвѣй, дай гостю бурачковъ» . . .
Трещатъ всѣ швы! Жую, какъ пьяный. —
А сонъ, знай, мажетъ вдоль зрачковъ
Тягучимъ клейстеромъ нирваны.

Племянникъ Степа, свѣсивъ зобъ,
Сопитъ и тычетъ гвоздь въ винтовку.
Лѣнь встать, а то, какъ ахнетъ въ лобъ,
Такъ будешь къ празднику съ обновкой . . .
Клокочетъ толстый самоваръ.
Внутри — четыре круглыхъ рожи . . .
Зудитъ, какъ муха, сонный паръ.
Внизу рычитъ ночной прохожій.

Бросаемъ «Ниву» къ псамъ подъ столъ, —
Предъ тетушкой склоняемъ шею
И, звѣрски вдавливая полъ,
Плетемся къ старичку Морфею.
  Увы, ужасный диссонансъ!
  О, гдѣ перо Торквато Тассо?!
  Милльоны блохъ, прервавъ свой трансъ,
  Вонзились сразу въ наше мясо . . .

На чревѣ, бедрахъ и бокахъ
Мы били ихъ, какъ львовъ въ Сахарѣ!
Крутили яростно въ перстахъ,
На свѣчкѣ жгли . . . Какія твари! . . .
  Мой другъ въ рубашкѣ на полу
  Сидѣлъ блѣднѣе туберозы
  И принималъ, гремя хулу,
  Невѣроятнѣйшія позы . . .

Едва къ разсвѣту замеръ бой.
Вокругъ кольцомъ бѣлье мерцало.
Лохматый, сонный и рябой,
Я влѣзъ съ башкой подъ одѣяло, —
  И слышалъ, какъ, во снѣ бурля,
  Степанычъ ёрзалъ по постели:
  «Земля! Да здравствуетъ земля!
  Какого черта, въ самомъ дѣлѣ!» . . .

Вильно 1919.

АМЕРИКАНЕЦЪ.

I.

Осенній день. Лѣнивый вѣеръ солнца
Озолотилъ зловонные дворы.
Въ разинутыя съ улицы ворота
Прохожіе оглядывали хмуро
Знакомый съ дѣтства виленскій пейзажъ:
Извилистые, старые дворы,
Жестянки у склоненнаго забора,
Дымящіяся кучи у помоекъ,
Углы сырыхъ, заросшихъ грязью стѣнъ
И желтые навозные ручьи.
А улица? Ущелье нищеты:
Горбъ мостовой, телѣгами изрытый,
Потоки жидкой слякоти съ боковъ,
Мостки, какъ клавиши, избитые до дыръ —
И коридоръ домовъ, слѣпыхъ, какъ склепы.
Но солнце, старый опытный художникъ,
Въ кускѣ пивной бутылки и въ алмазѣ
Горитъ однимъ божественнымъ огнемъ...

*

Снопы лучей сквозь чахнущій калинникъ
Широко брызнули на длинный хвостъ дѣтей:
Въ платкахъ, въ отрепьяхъ, въ полахъ одѣялъ,
Въ облѣзшихъ материнскихъ кацавейкахъ
Змѣилась тихая, понурая толпа —
И лишь глаза, какъ мокрые галчата,
Блестѣли ярко въ этой кучѣ рвани.
Въ худыхъ рукахъ, повисшихъ вяло внизъ,
Болтались кружки, крынки и жестянки.
Близь самыхъ маленькихъ, какъ факелы тоски,
Стояли матери — изсохшія Рахили . . .
Сейчасъ вздохнетъ заплатанная дверь,
Кирпичъ, дрожа, на блокѣ вверхъ полѣзетъ —
И каждый сморщенный, покорный человѣчекъ
Свое сокровище вдоль улицъ понесетъ:
Дымящееся, темное какао,
И молоко и бѣлый ломоть хлѣба
Съ блестящей коркой нѣжно-золотистой . . .
У матерей заискрятся глаза, —
Пусть какъ всегда хоть горстью чечевицы
Онѣ обманутъ голодъ свой тупой,
Для матери, такъ повелось отъ Евы,
Улыбка сытаго ребенка слаще манны . . .

*

Изъ двери вышелъ бритый человѣкъ.
Онъ точно съ Марса въ эту грязь попалъ:
Прищуренные зоркіе глаза,
Неспѣшныя, спокойныя движенья,
Полупоходная манчестерская куртка,
Ботинки — два солидныхъ утюга,

Какъ зебра полосатый макинтошъ,
Портфель подъ мышкой, трубка межъ зубовъ . . .
Такой же точно, только безъ портфеля,
И въ шлемѣ пробковомъ на круглой головѣ —
Качался-бъ онъ средь двухъ горбовъ верблюда,
Изслѣдуя излучины Замбези . . .

*

Внимательно склонившись къ первой парѣ,
Онъ матери сказалъ: «Сейчасъ откроютъ» —
И медленно пошелъ вдоль мостовой,
Передобѣденный свершая моціонъ.
Романтикомъ онъ не былъ, видитъ Богъ,
Но если въ мірѣ вымираютъ дѣти
(Какія, гдѣ и какъ — не все-ль равно?) —
Нельзя сидѣть, склонясь надъ прейскурантомъ,
Подсчитывать въ конторѣ барыши
И равнодушно отмѣчать въ газетахъ:
«Погибло столько то. Зимою — вымрутъ всѣ.»
Есть общества «защиты лошадей»
И «поощренья шахматныхъ турнировъ»,
О дѣтяхъ только люди позабыли.
Прервавъ «дѣла» съ такими же, какъ онъ,
Онъ переплылъ въ далекую Европу
И вотъ попалъ въ нелѣпый городъ Вильно . . .

*

Передобѣденный свершая моціонъ,
Онъ шелъ вдоль стѣнъ и думалъ въ сотый разъ:
Вокругъ лѣса и тучная земля,
И нѣтъ чумы, и солнце мягко свѣтитъ, —
Откуда эта злая нищета,

Берлоги, грязь, приниженность и стоны?
За рядъ вѣковъ не научились жить?
Медвѣдь въ бору живетъ сытѣй и чище...
А здѣсь — война, разгромы, темный бредъ,
Пещерный вѣкъ подъ знакомъ пулемета...
Что-жъ накормить не трудно. И одѣть...
Но дальше? Какъ изъ этой дряблой глины
Построить радостный, достойный жизни домъ?

*

Онъ шелъ, — и у замызганныхъ лавченокъ,
Съ селедкой одинокою въ окнѣ
И мухами засиженной лепешкой, —
Его почтительно поклономъ провожали
Старухи въ парикахъ и старики кощеи,
Замученные кашлемъ и трахомой.
Онъ хмуро отвѣчалъ и ускорялъ шаги,
Какъ будто чувствовалъ себя немного виноватымъ
За свой здоровый видъ, приличную одежду
И твердый взглядъ собой владѣвшихъ глазъ.

*

Спускаясь съ осенью раскрашенныхъ холмовъ,
Гдѣ кладбище нѣмецкое дремало —
Невольно онъ сдержалъ упругій шагъ.
Кольцо лѣсовъ на дальнихъ мягкихъ склонахъ
Узорной лентой окружало городъ.
Надъ рябью крышъ вставали колокольни,
Въ лиловой дымкѣ пѣла тишина...
Проспектъ Георгіевскій сразу охладилъ
Декоративный пылъ осенней кисти:

Въ запряжкѣ плѣнные, чуть двигая ногами,
Везли къ рѣкѣ въ возахъ военный скарбъ.
По сторонамъ лѣниво ползъ конвой.
Одинъ изъ плѣнныхъ, сдернувъ бокомъ шапку,
За милостыней робко подбѣжалъ.
У фонаря проплылъ балетной рысью
Чиновникъ польскій въ свѣтломъ галунѣ,
Расшитый весь до пятокъ алымъ кантомъ.
За сумасшедшей, нищею старухой,
Похожей на испуганную смерть,
Гурьбой бѣжали дѣти и визжали,
Лупя ее рябиной по плечамъ.
Съ угла сорвался, ерзая локтями,
Лихачъ на худосочной Россинантѣ . . .
Американецъ выколотилъ трубку,
Сердито буркнулъ: «дикая страна»
И въ ресторанъ направился обѣдать.

II.

Лилъ гулкій дождь. Вдоль ржавыхъ желобовъ
Свергались съ монотоннымъ плескомъ струи.
Послѣдній человѣкъ, торчавшій на углу
Съ своей столѣтней неизмѣнной фразой:
«Пальто резиновое можетъ быть вамъ надо?»
Давно исчезъ и жалобно храпѣлъ
Въ подвалѣ подъ тряпичнымъ одѣяломъ . . .
На мертвой площади въ зловѣщіе лари
Врывался вихрь и хрипло въ щеляхъ вылъ.
Гремѣли вывѣски. На лужахъ билась рябь.

Патруль укрылся въ банковскомъ подъѣздѣ.
Далекіе ночные фонари
Перекликались блѣдными лучами . . .

*

По улицѣ шелъ бритый человѣкъ
Съ портфелемъ вѣчнымъ, стиснутымъ подмышкой.
Косящій дождь, заборы, ребра стѣнъ
И плѣши лужъ его не угнетали.
Онъ былъ лишь зрителемъ — какъ будто передъ
нимъ
Чернѣла четкая, старинная гравюра.
Ему казалось: къ этой жизни злой
Съ войной и голодомъ, болѣзнями и грязью
Такой пейзажъ подходитъ до смѣшного . . .
Онъ возвращался отъ знакомаго врача:
Шагая вкось по комнатѣ угрюмой,
Врачъ говорилъ ему, что тамъ и сямъ
Въ кварталахъ старыхъ вспыхнули болѣзни,
Что люди мрутъ въ зловонной тѣснотѣ,
Что мало рукъ, что изсякаютъ средства . . .
Американецъ быстро про себя
Перебиралъ, шагая вдоль заборовъ,
Кому писать, кто дастъ и кто не дастъ,
И какъ вѣрнѣй бѣду схватить за глотку.
Онъ шелъ къ себѣ — работать до утра, —
Онъ иногда любилъ работать ночью. . .

*

Но вдругъ во тьмѣ, среди подъема въ гору,
Пять силуэтовъ заградили путь:
Безмолвная игра. Смыслъ и безъ словъ былъ ясенъ.
Онъ прыгнулъ вбокъ, сжалъ браунингъ въ
ладони, —
Тьма, пять звѣрей и ни души кругомъ...
Въ портфелѣ — документы, письма, деньги,
Фонарь проклятый у врача остался, —
А въ темнотѣ, увы, плохая драка...
Что-жъ надо защищаться. Тусклая луна
Сквозь тучу рваную блеснула вдругъ по склону...
Какъ онъ упалъ, увы, не зналъ онъ самъ,
Кого-то въ грудь ногой, какъ пса отбросилъ,
И, лежа на плечѣ въ ночной грязи,
Тупую боль въ боку вдругъ ощутивъ,
Приподнялся на локтѣ, стиснулъ ротъ
И вытянулъ впередъ стальную руку:
Рванулся снопъ мгновеннаго огня,
За нимъ другой и третій и четвертый... —
Трескъ разорвалъ молчаніе холмовъ,
Клубкомъ сплелись крикъ, хриплый стонъ и брань,
Кого то волокли въ дыру забора, —
Поспѣшный шорохъ шлепающихъ ногъ,
Далекій хрустъ кустовъ... и тишина.
Американецъ вытеръ влажный лобъ,
Всталъ на колѣно, быстро чиркнулъ спичкой:
Рука въ крови, портфель пробитъ ножемъ,
Бокъ? Ничего... Саднитъ, — но такъ не очень.
Встряхнулся, всталъ и медленно пошелъ
Назадъ къ врачу дорогою пустынной.

«Собаки! Впятеромъ на одного. . .
Трусливыя, ночныя обезьяны, —
Ограбить даже толкомъ не умѣютъ!»

*

Служанка-полька вышла на звонокъ
И, на груди придерживая платье,
Невольно отшатнулась: «Матерь Божья!»
И въ самомъ дѣлѣ странная картина —
Недавній гость ихъ, прислонясь къ periламъ,
Въ грязи, какъ негръ валявшійся въ канавѣ,
Ее же успокаивалъ глазами
И быстро палецъ приложилъ къ губамъ.
Въ квартирѣ вспыхнула ночная суета,
Склонясь къ клеенкѣ узкаго дивана,
Врачъ обнажилъ темнѣвшій кровью бокъ:
— «Ну, пустяки. Ударъ былъ не испанскій.
Или, вѣрнѣй, портфель васъ спасъ, мой другъ.
Я вѣдь просилъ остаться у меня . . .
Кто по ночамъ теперь по Вильно рыщетъ?
Ночные сторожа и тѣ, забившись въ будки,
Разсвѣта ждутъ и проклинаютъ ночь».

*

Американецъ распрямилъ колѣни
И, отдыхая послѣ перевязки,
Ему глазами на полъ указалъ,
Гдѣ колесомъ раскинувъ рукава,
Пальто валялось грязное у кресла:
«Въ карманѣ трубка и табакъ. Спасибо».
Сквозь носъ пуская пряди голубыя,
Подъ абажуръ струящіяся вверхъ,

Гость вдругъ привсталъ и куртку застегнулъ:
«Я отдохнулъ. Благодарю, — прощайте!»
Врачъ вспыхнулъ: «Сумасшедшій человѣкъ!
Куда же вы? Ей Богу, странный спортъ . . .»
Американецъ, одѣваясь, усмѣхнулся:
«Я не игрокъ и я въ своемъ умѣ.
Напрасно вы шумите. Дождь утихъ . . .
А тѣ трусливыя полночныя гіены
Давно разсѣялись, повѣрьте мнѣ, во тьмѣ
И гдѣ нибудь въ харчевнѣ за рѣкой
Дрожатъ отъ страха и зализываютъ раны.
Другіе? Что-жъ . . . Кто можетъ запретить
Своимъ путемъ домой мнѣ возвращаться?»
И, отклонивъ настойчивыя просьбы,
Онъ вѣжливо простился, взялъ фонарь,
По лѣстницѣ спустился осторожно
И тою же дорогою обратно
Пошелъ къ себѣ, спокойный, словно догъ.

III.

За окнами осклизлый скатъ холма.
Размытой глины рваные зигзаги
Сбѣгали внизъ къ промокнувшимъ мосткамъ.
Рябина рѣяла уныло на юру.
Колючей проволоки темные узоры
Края холма сѣтями заплели.
Прильнувъ къ стеклу балконной старой двери,
Пробитой пулями почти у потолка,
Стояла дѣвушка, смотрѣла въ вышину

На голову сѣдой косматой тучи,
Сердито проплывавшей надъ оврагомъ.
У входа въ логъ, въ песчанномъ углубленьи
Три дня уже лежало чье-то тѣло:
Глухой старикъ, больной бездомный нищій,
Шелъ тихо въ гору послѣ девяти, —
Онъ не откликнулся на окликъ патруля
И пулей въ спину былъ убитъ на мѣстѣ . . .
Вздохнула дѣвушка, какъ каждый день вздыхала,
Ей этотъ холмъ всю душу измоталъ . .

*

На кашель тусклый повернувъ плечо,
Она угрюмо посмотрѣла въ уголъ:
Собратъ по бѣгству, русскій агрономъ,
И мѣстный адвокатъ играли въ шашки . . .
Такъ каждый день. А послѣ разговоръ
О томъ, что было-бъ, если-бъ, да кабы . . .
Къ холодной печкѣ строгій взоръ склонивъ,
Она сама съ собой заговорила:
«Такъ странно. Здѣсь весь городъ говоритъ
Объ этомъ янки . . . Ахъ, герой, герой!
А онъ должно быть и забылъ давно
Объ этомъ приключеніи нелѣпомъ.
Ему не снится даже, что вокругъ
Его героемъ трусы величаютъ.
Онъ такъ-же методично, какъ всегда,
Въ свои столовыя шагаетъ неизмѣнно, —
А если завтра темной ночью вновь
Его судьба столкнетъ съ пятью ножами —
Онъ также хладнокровно, какъ тогда,

Одинъ, безстрашно будетъ защищаться . . .
Все это также просто для него,
Какъ утромъ чашка кофе или чая . . .
Кто онъ — не знаю. Квакеръ, можетъ быть,
А, можетъ быть, дѣлецъ съ хорошимъ сердцемъ . . .
Но вы слыхали-ли въ былые дни у насъ,
Чтобъ кто-нибудь въ Москвѣ иль Петербургѣ
Оставилъ кровъ свой, близкихъ и дѣла
И къ голодающимъ вдругъ въ Индію помчался?
Вѣдь на диванѣ всласть поговорить
Гораздо легче, чѣмъ срываться съ мѣста».
Она умолкла. Шашки на столѣ
Все также по доскѣ передвигались . . .
«Такъ странно» . . . вновь она сказала тихо, —
Сама съ собой печально разсуждая.
«Когда-бъ у насъ такіе люди были,
Бѣжать-бы было незачѣмъ сюда».

*

Съѣвъ у врага всѣ шашки до послѣдней,
Ей агрономъ, зѣвая, возразилъ:
«Увы, мы не Ринальдо-Ринальдини, —
Но вы слыхали, Лидія, не разъ
О тысячахъ погибшихъ на войнѣ
Отважныхъ до безумья русскихъ людяхъ?
Да и въ гражданской бойнѣ, съ двухъ сторонъ,
Не мало смѣлыхъ сгинуло въ сраженьяхъ.
О нихъ тома-бы можно написать,
Которые не снились и Майнъ-Риду.
А наше бѣгство? Сколько насъ такихъ,
Чей каждый шагъ опаснѣе, пожалуй,

Чѣмъ путешествіе средь австралійскихъ дебрей».
Она взглянула на далекій холмъ.
Косыя капли вновь о стекла бились.
«Все знаю, знаю . . . Бѣгство и война,
Война и бѣгство . . . Шалая отвага.
Костеръ до неба, черезъ день — горсть пепла,
Всѣ — судьи, и никто не виноватъ . . .»

*

Допивъ холодный чай свой, адвокатъ
Протеръ пенсне и съ кроткимъ сожалѣньемъ
(Такъ съ дамами всегда онъ говорилъ,
Когда онѣ пускались въ разсужденья),
Сказалъ: «о чемъ вы спорите, — не знаю.
Принципіально — я бѣлобилетникъ
Во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ войнахъ.
Я не экспертъ — кто храбръ, и кто не храбръ.
Но еслибъ вашъ герой американецъ
Обыкновеннымъ былъ совдепскимъ смертнымъ
И гдѣ нибудь въ Москвѣ на Вшивой Горкѣ
Подвергся вдругъ ночному нападенью —
И браунингъ отважно-бъ въ ходъ пустилъ,
То смѣю думать въ случаѣ успѣха
Его-бъ постигла все-же злая участь:
Примчавшійся на выстрѣлы патруль
Героя вашего ухлопалъ-бы на мѣстѣ
За . . . незаконное ношеніе оружья . . .
Все это принимая во вниманье,
Пожалуй, онъ-бы тамъ не защищался,
А, какъ и всѣ, — покорный, какъ баранъ,
Уныло-бъ поднялъ обѣ лапы кверху» . . .

Разсматривая плачущую даль,
Она ему ни слова ни сказала . . .
Опять лишь стѣны поняли ее.
Опять три правды . . . Этотъ краснобай,
Практичный трусъ, влюбленный лишь въ себя,
Вѣдь тоже правъ съ своей ужасной правдой . . .
Размытой глины рваные зигзаги
Желтѣли подъ дымящимся дождемъ, —
И даль была такъ тускло-безнадежна,
Что сѣрые, печальные глаза
Невольно позавидовали трупу,
Лежавшему въ песчанномъ углубленьи
Недвижнымъ и сѣрѣющимъ клубкомъ.

*

Въ тотъ день американецъ, какъ всегда,
Въ свой ресторанъ отправился обѣдать.
Когда онъ наклонился надъ тарелкой,
Къ нему слуга неслышно подошелъ
И положилъ на столъ хрустящій свертокъ.
Онъ развернулъ холодную бумагу
И удивленно опустилъ глаза:
Средь чайныхъ розъ таинственно бѣлѣлъ
Клочекъ картона съ именемъ его
И съ надписью косою по французски —
«Отъ русской дѣвушки». И больше ничего.
Американецъ добродушно усмѣхнулся,
Понюхалъ розы, повертѣлъ записку,
И снова наклонился надъ тарелкой,
Дымившей паромъ въ бритое лицо.

ЯБЛОКИ.

На рогатинахъ корявыхъ вѣтви грузныя лежатъ.
Гроздья яблокъ нависаютъ, какъ гигантскій виноградъ...
Ихъ весь день румянитъ солнце, обвѣваетъ вѣтерокъ,
И надъ ними сонно вьется одурѣвшій мотылекъ.
А внизу скосили травы, сохнетъ блескъ густыхъ рядовъ,
И встревоженныя пчелы ищутъ, жалуясь, цвѣтовъ . . .
Сколько яблокъ! Въ темныхъ листьяхъ сквозь узлы
тугихъ сѣтей
Эти — ярче помидоровъ, тѣ — лимоновъ золотѣй.
Подойдешь къ тяжелой вѣткѣ и, зажмуривши глаза,
Духъ ихъ радостный вдыхаешь, какъ хмельная стре-
коза . . .
Посмотри! Изъ подъ забора поросята влѣзли въ садъ —
Приманилъ и ихъ, какъ видно, духовитый ароматъ:
Оглянулись вправо-влѣво, какъ бы не было бѣды,
И накинулись гурьбою на опавшіе плоды.
Ходятъ ноги, ходятъ уши, ходятъ хвостики винтомъ,
А взволнованная кошка притаилась за кустомъ . . .
Непонятно ей и странно: развѣ яблоки ѣда?
Въ синемъ небѣ сонно таетъ бѣлоснѣжная гряда.
И до самого забора, до лохматой бузины,
Гроздья яблокъ расцвѣтили тѣнь зеленой глубины.
Пахнетъ осенью и медомъ, пахнетъ яблочнымъ виномъ.
Пѣтушекъ веселымъ басомъ распѣваетъ за гумномъ . . .

Кошедары.

* * *

На мигъ забыть — и вновь ты дома:
До неба — тучные скирды,
У риги — пыльная солома,
Дымятся дальніе пруды,
Снижаясь, аистъ тянетъ къ лугу,
Мужикъ колѣномъ вздѣлъ подпругу, —
Все до пастушьей бороды,
Увы, такъ горестно знакомо!
И боръ, замкнувшій кругъ небесъ,
И за болотцемъ плескъ рѣченки
И голосистыя дѣвчонки,
Съ лукошкомъ мчащіяся въ лѣсъ . . .
Строй новыхъ избъ вдаль вывелъ срубы.
Сады пестрѣютъ въ тишинѣ.
Печенымъ хлѣбомъ дышатъ трубы
И Жучка дремлетъ на бревнѣ.
А тамъ подъ сливой, гдѣ бѣлѣютъ
Рубахи вздернутой бока, —
Смотри, подъ мышками алѣютъ
Два кумачевыхъ лоскутка!

Но какъ забыть? На облучкѣ
Трясется ксендзъ съ бадьей въ охапкѣ,
Передъ крыльцомъ, склонясь къ лукѣ,
Гарцуетъ стражникъ въ желтой шапкѣ.
Литовской рѣчи плавный строй
Звенитъ забытою латынью . . .
На перекресткѣ за горой
Христосъ, распластанный надъ синью.
А тамъ у дремлющей опушки
Крестовъ нѣмецкихъ бѣлый рядъ:
Здѣсь бой кипѣлъ, ревѣли пушки . . .
Одни живутъ, — другіе спятъ.

Очнись. Нѣтъ дома, — ты одинъ:
Чужая дѣвочка сквозь тынъ
Смѣется, хлопая въ ладони.
Въ возахъ — раскормленные кони,
Пылятъ коровы, мчатся овцы,
Проходятъ съ пѣснями литовцы —
И мѣсяцъ, строгій и чужой,
Встаетъ надъ дальнею межой . . .

УТРОМЪ.

Если взять насосъ за хоботъ,
Всхлипнетъ мѣрный скрипъ,
Въ глубинѣ раздастся ропотъ,
Вздохи, плескъ и хрипъ —
И изъ темнаго раструба
Хлынутъ въ чанъ ключи:
Подставляй ладони . . . Любо!
Мойся и рычи . . .

Утро въ дворъ вползло туманомъ.
Яблони молчатъ.
Солнце факеломъ румянымъ
Подожгло весь садъ.
Не узнать утятъ весеннихъ:
Ростомъ съ матерей,
Съ гвалтомъ лѣзутъ на ступени
Кухонныхъ дверей.

Щепка взвилась, какъ галченокъ,
Изъ подъ топора.
Замечтался поросенокъ
Посреди двора . . .
За крыльцомъ у мшистой будки
Всласть зѣваетъ песъ.
«Что? Не выспался за сутки?
Стыдно? Спряталъ носъ?»

Въ огородѣ вянетъ вяло
Чахлая ботва.
Покосить? . . . Въ саду у вала
Есть еще трава . . .
Грудь въ плѣну размаховъ гибкихъ,
Цокаетъ коса,
Лобъ и плечи въ капляхъ липкихъ,
Надъ спиной — оса.

ПОДАРОКЪ

Видали вы литовскіе, цвѣтные пояса?
Какъ будто вдоль овса —
Средь маковъ васильковая струится полоса.

Я у ксендза-пріятеля въ іюлѣ былъ въ гостяхъ.
Средь бѣлыхъ стѣнъ, какъ стягъ,
Изъ поясовъ настеганныхъ коверъ дышалъ въ дверяхъ.

Хозяинъ сузилъ щелочки веселыхъ, добрыхъ глазъ:
«Понравилось? Алмазъ!
Отъ прихожанъ въ день ангела. Хоть шаху на показъ!..»

Въ окошко къ намъ таращился подсолнечникъ дугой.
На скатерти рябой
Штофъ сидра, медъ, вареники и окорокъ тугой.

Смѣясь, мнѣ ксендзъ показывалъ мозоли крѣпкихъ рукъ:
«Все самъ, — и садъ и лугъ —
И свиньи съ поросятами и огородъ и плугъ».

Мадонна въ звѣздномъ вѣнчикѣ сіяла со стѣны.
Котъ жался у спины.
У сада жеребеночекъ звенѣлъ средь тишины.

Хозяинъ на прощаніе полѣзъ въ свой сундучекъ:
«На память, мой дружокъ!»
И подарилъ мнѣ радужный, литовскій поясокъ.

Веселымъ этимъ поясомъ я очень дорожу . . .
Сказать вамъ? Я скажу:
Какая книга нравится, ту имъ и заложу.

АИСТЫ.

Въ водѣ декламируетъ жаба.
Спятъ груши вдоль лона пруда.
Надъ шапкой зеленаго граба
Топорщатся прутья гнѣзда.

Тамъ аисты, милыя птицы,
Семейство серьезныхъ жильцовъ . . .
Торчатъ материнскія спицы
И хохлятся спинки птенцовъ.

Съ крыльца деревенскаго дома
Смотрю — и, какъ сонъ для меня,
И грохотъ далекаго грома
И перьевъ пушистыхъ возня . . .

И вотъ . . . Отъ луговъ у дороги,
На фонѣ грозы, какъ гонецъ,
Летитъ, распластавъ свои ноги,
Съ лягушкою въ клювѣ отецъ.

Дождь схлынулъ. Замолкли перуны.
На листьяхъ — расплавленный блескъ.
Семейство, настроивши струны,
Заводитъ неслыханный трескъ.

Трещатъ про лягушекъ, про солнце,
Про листья и сѣренькій мохъ, —
Какъ будто въ ведерное донце
Бросаютъ струею горохъ . . .

Въ туманѣ дорòги и цѣли,
Жестокіе, черные дни . . .
Хотя-бы, хотя-бы недѣлю
Пожить бы вотъ такъ, какъ они!

ТАБАКЪ.

Надъ жирной навозной жижей
Кустятся табачные листья.
Подойдемъ вдоль грядокъ поближе,
Оборвемъ порыжѣвшія кисти.
Ишь, набухли, какъ рыхлыя губки . . .
Подымайте-ка, ксендзъ, ваши юбки!

Подъ крышей надъ тихой верандой
Мы развѣсимъ листья пучками
И, плавно качаясь гирляндой,
Они зажелтѣютъ надъ нами.
Такой-же пейзажъ янтарный
Я видалъ на коробкѣ сигарной.

Будемъ думать, что мы на Цейлонѣ . . .
Впрочемъ, къ черту Цейлонъ, — не надо!
Вонъ пасется на солнечномъ склонѣ
Литовское пестрое стадо:
Мчатся черныя свиньи, какъ шавки,
Конь валяется томно на травкѣ.

Набьемъ табакомъ наши трубки.
Пусть струится дымокъ лиловатый . . .
Какъ пестры деревенскія юбки
Вдоль опушки у новой хаты!
    На закатѣ туда мы нагрянемъ
    И душистаго меду достанемъ.

Я поэтъ, а вы ксендзъ литовскій, —
Дай вамъ Богъ и силъ и здоровья!
Налетаетъ вѣтеръ чертовскій
И доноситъ мычанье коровье,
    А за дымомъ вдоль склоновъ нагорій
    Колыхается сизый цикорій.

МОГИЛА ВЪ САДУ.

Въ заглохшемъ саду колыхаются травы.
Широкія липы въ медвяномъ цвѣту
Подъемлютъ къ лазури кудрявыя главы, —
И пчелы гудятъ на лету.
Подъ липой могила:
Плита и чернѣющій орденскій крестъ.
Даль — холмъ обнажила.
Лѣсныя опушки толпятся окрестъ.

Отъ сердца живого, отъ глазъ, напоенныхъ цвѣтеньемъ,
Къ безвѣстнымъ зарытымъ костямъ потянулась печаль...
Кто-онъ, лейтенантъ - здоровякъ, навѣки спеленутый тлѣньемъ,
Принесшій въ чужія поля смертоносную сталь?
Надъ Эльбою въ замкѣ
Мать дремлетъ въ стѣнахъ опустѣлыхъ,
А въ траурной рамкѣ —
Два глаза лучистыхъ и смѣлыхъ...

Литовское небо дрожитъ отъ пчелинаго хора.
Пушистый котенокъ лѣниво прижался къ щекѣ.
Осколокъ снаряда торчитъ изъ земли у забора, —
Клубъ ржавыхъ колючекъ сквозь маки сквозитъ на пескѣ...
Вдали надъ оврагомъ
Конь плугомъ взрываетъ пласты
И медленнымъ шагомъ
Обходитъ густые кусты.

ЧУЖОЕ СОЛНЦЕ

СЪ ПРІЯТЕЛЕМЪ.

1.

Сѣроглазый мальчикъ, радостная птица,
Посмотри въ окошко на далекій склонъ:
Полосой сбѣгаетъ желтая пшеница,
И лѣса подъ солнцемъ, какъ зеленый сонъ.
Мы пойдемъ съ тобою къ ласковой вершинѣ
И орловской пѣсней тишину вспугнемъ.
Тамъ холмы маячатъ полукругомъ синимъ,
Тамъ играютъ пчелы надъ горбатымъ пнемъ...
Если я отравленъ темнымъ русскимъ ядомъ,
Ты — веселый мальчикъ, сѣроглазый гномъ...
Свѣсимъ съ камня ноги, бросимъ палки рядомъ,
Будемъ долго думать, каждый о своемъ.
А потомъ свернемъ мы въ чащу къ букамъ сѣрымъ,
Сыроѣжекъ пестрыхъ соберемъ въ мѣшокъ.
Ржавый листъ сквозитъ тамъ, словно мѣхъ пантеры,
Бѣлка насъ увидитъ — вскочитъ на сучекъ.
Все тебѣ скажу я, все, что самъ я знаю:
О грибахъ-горкушахъ, про житье ежей,
Я тебѣ рябины пышной наломаю...
Ты ее не помнишь у родныхъ межей?
А когда тумана мглистая одежда
Встанетъ за горой, — мы внизъ сбѣжимъ, свистя.
Зрѣй и подымайся, русская надежда,
Сѣроглазый мальчикъ, ясное дитя!..

2.

Мы съ тобой два знатныхъ иностранца:
Въ сѣрыхъ курткахъ, въ стоптанныхъ туфляхъ.
Карусель кружится въ ритмѣ танца
И дѣвченки ввысь летятъ въ ладьяхъ . . .
Вдосталь хлѣба, смѣха и румянца,
Только мы — полынь въ чужихъ поляхъ.

Опустивши худенькія плечи,
Теребишь ты тихо мой мѣшокъ
И внимаешь шумной, чуждой рѣчи,
Какъ серьезный, умный старичекъ.
Ноги здѣсь, — а сердце тамъ далече,
Уплываетъ съ тучей на востокъ.

Надъ лужкомъ холмовъ зеленый ярусъ
Манитъ насъ раздольной тишиной.
Бокъ шатра надулъ подъ вѣтромъ парусъ,
Собаченка лаетъ за спиной . . .
Карусель взвѣваетъ свой стеклярусъ
И кружится, словно шаръ земной!

Солнце — наше, горы — тоже наши . . .
Ты послушай, что поетъ потокъ:
Въ голубой, для всѣхъ раскрытой чашѣ,
Тонетъ все — и западъ и востокъ . . .
Будетъ жизнь и радостнѣй и краше . . .
Хочешь купимъ глиняный свистокъ?

На углу закрякали тромбоны:
Впереди двѣнадцать мѣдныхъ трубъ.
Сзади — пары, дѣвочки — бутоны.
Сколько яркихъ, деревенскихъ губъ!
Закачались бѣлыя колонны
И пошли плясать въ прохладный клубъ.

Улыбнись, поправь свою подвязку, —
Вѣетъ вѣтеръ, въ путь зоветъ, злодѣй!
Мы въ лѣсу напишемъ нынче сказку, —
Тамъ, гдѣ пахнетъ сыростью груздей, —
Про людей, любившихъ смѣхъ и пляску,
Никого не мучившихъ людей . . .

3.

Все мѣстечко засыпаетъ,
На закатѣ — снопъ пожаровъ.
Съ колокольни долетаетъ
Девять медленныхъ ударовъ.
Мальчикъ, спать!
Подъ нѣмецкую перину, въ исполинскую кровать.

Рано? Дай мѣшокъ со стула,
Перечтемъ-ка небылицу,
Какъ леталъ кузнецъ Вакула
На чертенкѣ къ намъ въ столицу.
Знаешь, да?
Эта сказка, словно пѣсня у полтавскаго пруда . . .

Котъ нѣмецкій въ удивленьи
Водитъ спинкою сутулой.
Ты раскрылъ глаза въ волненьи,
Ты умчался за Вакулой . . .
Вечеръ тихъ.
Электрическая лампа освѣшаетъ насъ троихъ.

Прочитали. Спитъ мальчишка.
Котъ колдуетъ на порогѣ.
На полу — родная книжка.
Въ небѣ — мѣсяцъ златорогій.
Проживемъ! . .
Завтра утромъ къ водопаду на свиданіе пойдемъ.

4.

Кѣмъ ты будешь? Ученымъ, свободнымъ ученымъ!
Мясниковъ слишкомъ много и такъ.
Надъ блевотиной лжи, надъ погостомъ зловоннымъ
Торжествуетъ бездарный кулакъ . . .
    Дьяволъ сонно зѣваетъ,
    Лапой носъ зажимаетъ:
Двадцать словъ, корка хлѣба и мракъ.

Можетъ быть, ты откроешь бациллу прохвостовъ?
Противъ оспы вѣдь средство нашли.
Гроздья лозунговъ новыхъ наряднѣе тостовъ, —
Въ серединѣ — холодныя тли.
    Каинъ тученъ и веселъ,
    Ножъ сверкаетъ у чреселъ,
Холмъ невинныхъ все выше вдали . . .

Можетъ быть, ты сумѣешь въ достаточныхъ дозахъ
Супъ изъ воздуха выжать для всѣхъ?
Укрощенное брюхо возляжетъ на розахъ,
Вспыхнетъ радость, безпечность и смѣхъ —
    И не будетъ причины
    Вѣрить въ святость дубины,
Въ ритуалъ людоѣдскихъ потѣхъ.

Ты въ оглобли труда запряжешь водопады
И приливы, и вѣтеръ, и градъ:
Полчаса поработалъ и пой серенады,
Дуй въ свирѣль и соси виноградъ . . .
Шахтъ не будетъ бездонныхъ,
Глазъ не будетъ безсонныхъ,
Люди станутъ добрѣе цыплятъ.

Что-нибудь съ идіотами сдѣлать-бы надо:
Обязательно средство найди!
Съ каждымъ часомъ растетъ ихъ крикливое стадо, —
Ротъ подъ мышкой, глаза позади,
Дважды-два — то семнадцать,
То — четыреста двадцать,
Граммофонъ въ головѣ и въ груди.

Я, увы, не увижу . . . Что подѣлаешь, — драма . . .
Ты дождешься. Чрезъ лѣтъ пятьдесятъ —
(Говорила въ Берлинѣ знакомая дама)
Вся земля расцвѣтетъ, словно садъ . . .
Спитъ мальчишка, не слышитъ,
Разметался и дышитъ.
Въ небѣ мертвыя звѣзды горятъ.

5.

Каждый встрѣчный на дорогѣ
Говоритъ намъ: «добрый день!»
Миръ и вамъ, чужiе люди
Изъ окрестныхъ деревень!

Оглядятъ насъ — улыбнутся . . .
Ясенъ взглядъ ихъ добрыхъ глазъ, —
Но тоска непримирима,
Но въ душѣ глухой отказъ.

Мальчикъ мой, пойдемъ скорѣе!
Вонъ тропинка вьется въ лѣсъ:
Тамъ безлюдно, какъ въ пустынѣ, —
Шумъ вѣтвей и ширь небесъ.

Ты мнѣ сны свои разскажешь,
Я тебѣ ихъ объясню.
Улыбнемся старой елкѣ,
Камню, бабочкѣ и пню . . .

Къ скаламъ въ глушь пойдемъ мы въ гости
По зеленому хвощу.
Никогда я не забуду,
Никогда я не прощу!

1921.

СОЛНЦЕ.

На грязь вдоль панели
Изъ облачной щели
Упали лучи —
Золотые мечи.
Запрыгало солнце
На прутьяхъ балконца,
Расплавилось лавой
На вывѣскѣ ржавой,
Отъ глазъ черезъ рынокъ
Столбъ рыжихъ пылинокъ,
Бульдогъ на повозкѣ
Весь въ блескѣ, весь въ лоскѣ,
Отрепья старушки,
Какъ райскія стружки —
Трепещутъ и блещутъ,
Сквозятъ и горятъ . . .
Въ окнѣ ресторанномъ,
Цвѣтисты и пылки,
Бенгальскимъ фонтаномъ
Зардѣлись бутылки,
На шапкахъ мальчишекъ
Зыбь пламенныхъ вспышекъ,
Вдоль зеркала лужъ —
Оранжевый ужъ . . .
И даже навозъ,
Какъ клумба изъ розъ.

А тамъ на углу,
Сквозь алую мглу,
Сгибаясь дугой
На бечевкѣ тугой,
Ведетъ собаченка
Вдоль стѣнъ, какъ ребенка,
Слѣпого солдата . . .
И солнце на немъ
Пылаетъ огнемъ.
Оно-ль виновато?

Берлинъ.

На берлинскомъ балконѣ
Солнце грѣетъ ладони,
А усатый и дикій густой виноградъ —
Мой вишневый, сегодняшній садъ.
Много-ль надо глазамъ?
Наклоняюсь къ гудящимъ возамъ,
На мальчишекъ румяныхъ глазѣю,
И потомъ въ виноградъ, какъ въ аллею,
Окунаю глаза.
А вверху — бирюза, —
Голубой, удивительный цвѣтъ,
Острогранной больницы сухой силуэтъ,
Облака
И стрижей мимолетно-живая строка . . .

Надо мной съ переплета жердей
Темнорыжій комочекъ глядитъ на прохожихъ людей.
Это бѣлка — мой новый и радостный другъ . . .
Жадно водитъ усами вокругъ,
Глазки — черныя бусы.
Вѣтеръ, солнце и я — ей по вкусу . . .
Посидитъ-посидитъ,
А потомъ, словно дикій бандитъ,
Вдругъ проскачетъ галопомъ по зелени крѣпкой,
Свѣситъ голову внизъ и качается цѣпко
Надъ моей головой,
Какъ хмельной домовой . . .
Достаю изъ кармана тихонько орѣхъ:
Вмигъ мелькнетъ вдоль плеча переливчатый мѣхъ,
И толкаетъ въ кулакъ головой, какъ въ закрытый сарай:
— Открывай! —
Солнце грѣетъ ладони . . .
Посидимъ на балконѣ
И уйдемъ: бѣлка въ ящикъ со стружками спать,
Я — по комнатѣ молча шагать.

ПОДЕНЩИЦА.

Рано утромъ къ русскимъ эмигрантамъ
Въ дверь влетаетъ съ сумкой Эльза Шмидтъ.
Влѣзетъ въ фартухъ съ перекрестнымъ бантомъ
И посудой въ кухнѣ загремитъ.
Въ блѣдныхъ пальцахъ вьется мылю съ тряпкой,
На лицѣ — фіалки честныхъ глазъ.
На плитѣ змѣисто-синей шапкой
Подъ кофейникомъ ворчитъ веселый газъ . . .
Въ лавку внизъ, какъ легкій вихрь, помчится,
Ищетъ-рыщетъ гдѣ-бы посходнѣй:
«Чужестранцы эти, словно птицы», —
Чуть коситъ усмѣшка кругъ бровей . . .
И опять на кухнѣ пляшутъ локти,
Шелуха винтомъ сползаетъ внизъ,
Наклонясь надъ раковиной ногти
Въ свѣтлыхъ брызгахъ моютъ скользкій рисъ.
Какъ пчела, она неутомима . . .
Вытретъ кафель, заведетъ часы.
Вдоль стѣны чисты, какъ херувимы,
Спятъ на полкахъ банки и вѣсы.
Руки моютъ, а глаза мечтаютъ —
Завтра праздникъ, день «своихъ» хлопотъ:
Тамъ за Шпрее, гдѣ вишни зацвѣтаютъ,
Ждетъ ее игрушка-огородъ.
Съ сыномъ Максомъ, увальнемъ-мальчишкой,
Сельдерей посадитъ и бобы . . .
На плитѣ котелъ запрыгалъ крышкой, —
Заструились бѣлые столбы . . .

Въ дверь вплываетъ эмигрантъ-учитель,
Бородатый, хмурый человѣкъ.
На плечахъ россійскій старый китель,
За пенсне мѣшки опавшихъ вѣкъ.
Эльза Шмидтъ привѣтливѣе солнца:
«Кофе, да? Устали? Я налью . . .»
И въ стаканъ, туманя паромъ донце,
Льетъ кофейникъ черную струю.
«Дѣти? Я давно ихъ напоила.
Въ скверъ ушли, — сегодня славный день . . .
Закупила сахару и мыла . . .
И сирени . . . Чудная сирень!»
Эльза Шмидтъ закалываетъ воротъ,
Снявъ свой фартухъ, словно крылья, съ плечъ.
«Побѣгу». — «Куда?» — «На стирку въ городъ».
И ушла, убравъ ведро подъ печь.
Китель свѣсилъ съ табурета полость, —
Засмотрѣлся эмигрантъ въ окно:
Вѣжливость и честность и веселость . . .
Онъ отъ нихъ отвыкъ уже давно.

ВЕСНА ВЪ ШАРЛОТТЕНБУРГѢ.

Цвѣтетъ миндаль вдоль каменныхъ громадъ.
Вишневый цвѣтъ вздымается къ балкону.
Трамваи быстрые грохочатъ и гремятъ
И облачный фрегатъ плыветъ по небосклону . . .
И каждый лучъ, какъ алая струна.
Весна!

Цвѣты въ петлицахъ, въ окнахъ, на углахъ,
Собаки рвутъ изъ рукъ докучныя цѣпочки,
А дикій виноградъ, томясь въ тугихъ узлахъ,
До трубъ разбросилъ клейкіе листочки —
И молодѣетъ старая стѣна . . .
Весна!

Играютъ дѣвочки. Веселый дѣтскій альтъ
Смѣется и звенитъ безъ передышки.
Наполнивъ скрежетомъ наглаженный асфальтъ,
На роликахъ несутся вдаль мальчишки, —
И воробьи дерутся у окна.
Весна!

Въ витринѣ грѣется, раскинувъ лапы, фоксъ.
Свиститъ маляръ. Несутъ кули въ ворота.
Косматые слоны везутъ въ телѣгахъ коксъ,
Кипитъ спокойная и бодрая работа . . .
И скорбь растетъ, какъ темная волна.
Весна?

ВЪ ГАРЦѢ.

Изъ бѣлыхъ полей, замутненныхъ разгуломъ мятели,
Врывается въ улицы дикій, разнузданный ревъ,
Злой вѣтеръ взбиваетъ-клубитъ снѣговыя постели,
Дымятся высокія кровли, заборы и штабели дровъ . . .
Мальчишки довольны: имъ въ вязаныхъ курткахъ не
зябко,
Младенца на санкахъ везутъ, мятель не собьетъ ихъ
съ пути.
Мигаютъ витрины, спитъ башня подъ снѣжною шап-
кой, —
Забитыхъ январскою пудрой часовъ не найти . . .
Глаза фонарей въ сѣтку хлопьевъ ныряютъ устало,
Встревоженный песъ человѣка зоветъ на углу,
Острѣе впивается въ щеки морозное жало,
И елки лопочутъ за садомъ на снѣжномъ валу.
Къ почтовому ящику цѣпко иду я сквозь вьюгу,
Фонарь, какъ маякъ, излучаетъ мерцающій свѣтъ:
Сегодня письмо отправляю далекому другу —
Заложнику скиѳовъ — безпомощный, братскій привѣтъ.

* * *

Когда, какъ бѣсъ,
Летишь на санкахъ съ горъ,
И подъ отвѣсъ
Сбѣгаетъ снѣжный боръ,
И плещетъ шарфъ надъ сильною рукою, —
Не упрекай за то, что я такой!

Изъ дѣтства вновь
Бѣгутъ къ глазамъ лучи . . .
Проснулась кровь,
Въ душѣ поютъ ключи,
Подъ каблукомъ взлетаетъ съ визгомъ снѣгъ, —
Благословенъ мальчишескій разбѣгъ!

Но обернись:
Усталый и нѣмой
Всползаю ввысь
Закованный зимой . . .
За легкій мигъ — плачу глухой тоской.
Не упрекай за то, что я такой.

КОРЧЕВКА.

Хочешь сказку? Нынче днемъ
Я бродилъ въ лѣсу по склонамъ,
Видѣлъ яркій мохъ подъ пнемъ
И лужокъ въ пуху зеленомъ.
На холмахъ — январскій снѣгъ,
А въ бору трава живая!
Вглубь стремя веселый бѣгъ,
Нить журчала ключевая . . .

По шоссе везли дрова,
Кони были шире печки.
Въ небѣ стыла синева
И волнистыя колечки.
Возлѣ бора средь камней
Люди молча, шагъ за шагомъ,
Обошли вкругъ старыхъ пней —
И исчезли за оврагомъ . . .

Гулко рявкнулъ динамитъ:
Снопъ земли поднялся съ пнями . . .
Словно тысячи копытъ
Въ мѣдь ударили надъ нами! . .
Я смотрѣлъ: здѣсь будетъ Новь,
Трудъ упорный вспашетъ поле —
И подъ темнымъ боромъ вновь
Зашумятъ хлѣба на волѣ.

Гарцъ.

ВЪ СТАРОМЪ ГАННОВЕРѢ.

Въ грудь домовъ вплываетъ рѣчка гулко,
Въ лабиринтѣ тѣсномъ и чужомъ
Улочка кружитъ сквозь переулки,
И этажъ нависъ надъ этажемъ.
Карлики-ль настроили домишекъ?
Мыши-ль грызли узкіе ходы?
Черепицы острогранныхъ вышекъ
Тянутъ къ небу четкіе ряды.
А вода бѣжитъ волнистой ртутью,
Хлещетъ-плещетъ тусклосѣрой мутью,
Мостики игрушечные спятъ,
Стѣны дышатъ сыростью и жутью,
Догораетъ красный виноградъ.

Вмѣстѣ съ сумерками тихо
Въ переулокъ проскользни:
Дня нелѣпая шумиха
Сгинетъ въ дремлющей тѣни . . .
Тусклю блещетъ позолота
Надъ харчевней расписной,
У крутого поворота
Вязь пословицы рѣзной.
Переплеты балокъ черныхъ,
Соты оконъ — вверхъ до крышъ,
А внизу, въ огняхъ узорныхъ,
Засіяли стекла нишъ, —

Лавки — лакомѣе тортовъ:
Маски, скрипки, парики,
Груды кремовыхъ ботфортовъ
И слоновые клыки . . .
Черепъ, ломанная цитра,
Кантъ, оптическій наборъ . . .
Какъ готическая митра
Въ синей мглѣ встаетъ соборъ:
У церковныхъ стѣнъ застывшихъ —
Лютеръ съ поднятой рукой
Будитъ паѳосъ дней уплывшихъ
Передъ площадью глухой . . .

Друга нѣтъ, — онъ на другой планетѣ,
Въ сумасшедшей, горестной Москвѣ . . .
Мы-бы здѣсь вдвоемъ теперь, какъ дѣти,
Рыскали въ вечерней синевѣ.
Въ «Золотой Олень» вошли-бы чинно,
Заказали сыра и вина,
И молчали-бъ съ нимъ подъ трескъ камина
У цвѣтного, узкаго окна . . .
Но вода бѣжитъ волнистой ртутью,
Хлещетъ-плещетъ тусклосѣрой мутью.
Мостики игрушечные спятъ.
Стѣны дышатъ сыростью и жутью.
Друга нѣтъ, — и нѣтъ путей назадъ.

1922.

ГЛУШЬ.

Городокъ, какъ сонъ средневѣковый:
Красныхъ кровель рѣзкіе края,
Въ рамѣ улицъ — даль, поля, коровы
И рѣченки синяя струя . . .

А октябрьскій вѣтеръ рѣетъ-свищетъ,
Завиваетъ плащъ вокругъ плеча.
И тоска чего-то жадно ищетъ
Средь уютныхъ складокъ кирпича.

Цѣлый день брожу неутомимо
По горбатой старой мостовой.
Строй домишекъ проплываетъ мимо.
Фонари киваютъ головой.

На порогахъ радостныя дѣти.
За дверями миръ и тишина.
Пышный плющъ вдоль стѣнъ раскинулъ сѣти.
Сверху дѣвушка смѣется изъ окна . . .

За угломъ скелетъ пустого храма:
Кирпичи и палка съ пѣтухомъ.
Дремлетъ садъ — цвѣтная панорама,
Сонно бродятъ гуси съ пастухомъ.

Прохожу вдоль стараго погоста.
Спятъ кресты, краснѣетъ виноградъ.
Жили долго, — медленно и просто, —
Внуки ихъ во всѣхъ дворахъ шумятъ . . .

Машетъ мельница веселыми крылами,
Мелетъ хлѣбъ. Вдоль рощъ скрипятъ возы.
Прохожу подъ сѣрыми стволами,
Сквозь гирлянды вянущей лозы.

Никого. Вокругъ цвѣтная осень.
Тишина. Густой и прѣлый духъ.
Руки буковъ расцвѣтили просинь.
Тихо вьется паутинный пухъ . . .

Кроликъ вынырнулъ изъ норки подъ сосною.
Пятна солнца. Ласковая тѣнь.
Опускаюсь, скованъ тишиною,
И лежу, какъ загнанный олень.

Вѣтеръ треплетъ заросли орѣха.
Черепица рдѣетъ за рѣкой.
Богъ, услышь! — Въ отвѣтъ смѣется эхо.
Даль зіяетъ вѣчной пустотой.

У ЭЛЬБЫ.

Внизу надъ всей террасой
Цвѣтущихъ грушъ каскадъ
Качаетъ бѣлой массой
Съ весеннимъ вѣтромъ въ ладъ, —
И бабочки-летуньи,
Кольцо крылатыхъ сновъ,
Какъ желтыя колдуньи,
Снуютъ въ дыму цвѣтовъ . . .
А ручей вдоль стѣнъ лопочетъ,
Толстыхъ утокъ пѣной мочитъ,
Съ легкимъ плескомъ плиты точитъ
И стремглавъ черезъ карнизъ
Прямо къ Эльбѣ, къ быстрымъ водамъ,
Къ хриплымъ старымъ пароходамъ
Мчится внизъ!

Балконъ тѣснѣй коробки.
Снопъ солнца прямо въ грудь.
Все прошлое — за скобки . . .
А дальше? Какъ нибудь!
Вонъ алыя подушки
Свисаютъ кипой розъ.
Вдоль скалъ сквозятъ опушки
Застѣнчивыхъ березъ.

Мрѣютъ грифельныя крыши,
Въ мглѣ ущелья дремлютъ ниши.
Кто повѣритъ? Кто услышитъ?
Жабы въ складкахъ влажныхъ плитъ?
Скорбь на облакѣ далекомъ
Смотритъ въ даль безсоннымъ окомъ
И молчитъ . . .

У Эльбы пляшутъ сходни.
Сойти къ парому? Лѣнь.
Миндаль раскрылъ сегодня
Коралловую сѣнь.
Въ магноліи цвѣтущей
Шуршанье птичьихъ крылъ,
А боръ зубчатой кущей
Всѣ дали затопилъ.
Каждый кустъ мудрѣй Сократа,
Каждый пень милѣе брата . . .
Наклоняюсь виновато:
Съ плескомъ брызнула волна.
По травѣ прошли три утки.
Кошка вылѣзла изъ будки.
Тишина . . .

ВЪ САКСОНСКОЙ ШВЕЙЦАРІИ.

Съ фрейлейнъ Нелли и мистеромъ Гарри
Мы покинули мутный Берлинъ.
Весь окутанный облакомъ гари,
Поѣздъ мчался средь тусклыхъ равнинъ.
    Очертѣли намъ плоскія дали . . .
    Но вдоль Эльбы за Дрезденомъ вдругъ
    Лента скалъ средь туманной вуали
    Потянулась гирляндой на югъ.

Мы пріѣхали въ тихую Шмильку, —
Въ деревушку средь складокъ двухъ горъ.
Женскій трупъ, вдвинувъ плечикомъ шпильку,
Намъ принесъ бутербродовъ бугоръ.
    Мы сидѣли въ отелѣ «Zur Mühle»,
    Пѣлъ ручей на семьсотъ голосовъ,
    Печь сверкала, какъ солнце въ іюлѣ,
    Домовой куковалъ изъ часовъ.

Ночью было мучительно трудно:
Подъ перину прокрался морозъ!
Въ щель балкона тоскливо и нудно
Рявкалъ вѣтеръ, какъ пьяный матросъ...
Коченѣли бездомныя пятки,
Примерзали къ подушкамъ виски,
На рубашкѣ застыли всѣ складки,
И животъ замиралъ отъ тоски.

Утромъ въ стекла ударило солнце.
Мутно-желтый и заспанный дискъ
Былъ скорѣе похожъ на японца, —
Но въ восторгѣ мы подняли пискъ.
Скалы къ окнамъ сбѣгались зигзагомъ,
Расползался клочками туманъ.
Подъ балкономъ за мшистымъ оврагомъ
Помахалъ намъ платкомъ старикань.

Если вы не взбирались на скалы, —
Какъ вамъ каменный бунтъ описать?...
Внизъ сбѣгаютъ зубцами провалы,
Къ небу тянется хвойная рать...
Шагъ за шагомъ, цѣпляясь за корни,
Ноги вихремъ вздымаютъ труху.
Только елка трясется на дернѣ,
Только эхо грохочетъ вверху...

•

X

Ахъ, какъ сладко дышать на вершинѣ!
За холмами сквозятъ города,
Даль уходитъ въ провалъ блѣдно-синій,
Надъ грядою взбѣгаетъ гряда.
Въ глубинѣ — хвостъ извилистой Эльбы
И козловъ одичалыхъ гурьба . . .
Эхъ, пальнуть всѣмъ втроемъ въ эту
цѣль-бы, —
Да изъ палокъ какая-жъ стрѣльба!

День за днемъ — пролетѣли орлицей,
Укатило за лѣсъ Рождество . . .
У плѣненныхъ берлинской столицей
Такъ случайно съ природой родство . . .
Женскій трупъ, украшенье «Zur Mühle»,
Подалъ намъ сногсшибательный счетъ:
Затаивши дыханье, взглянули
И раскрыли безпомощно ротъ.

На паромѣ мы плыли въ туманѣ.
Цвѣлъ огнями вокзальный фасадъ,
Паръ надъ Эльбой клубился, какъ въ банѣ,
Блокъ, визжа, разбудилъ всѣхъ наядъ.
Мутный мѣсяцъ моргалъ изъ за ели . . .
Хорошо ему, черту, моргать!
Ни за столъ, ни за стѣны въ отелѣ
Вѣдь нельзя съ него шкуру содрать . . .

Влѣзли въ поѣздъ — въ туристскую кашу,
Дымъ сигарный вцѣпился въ зрачки.
Подпирая чужую мамашу,
Въ коридорѣ считалъ я толчки.
Чемоданы барахтались въ сѣткѣ.
Вспыхнулъ сизый, чахоточный газъ.
За окошкомъ фабричныя клѣтки
Заструились милльонами глазъ . . .

Рождество. 1922.

МИРАЖЪ.

Съ дѣвчонками Тосей и Иной
Въ сиреневый утренній часъ
Мы вырыли въ пляжѣ пустынномъ
Кривой и глубокій баркасъ.

Борта изъ песчанаго крема.
На скамьяхъ пестрѣли кремни.
Изъ ракушекъ гордое «Nemo»
Вдоль носа бѣлѣло въ тѣни.

Мы влѣзли въ корабль нашъ пузатый.
Я взялъ капитанскую власть.
Купальный костюмъ полосатый
На палкѣ зарѣялъ, какъ снасть.

Такъ много чудесъ есть на свѣтѣ!
Земля — неизвѣданный садъ...
— На Яву? — Но странныя дѣти
Шепнули, склонясь: — Въ Петроградъ.

Кайма набѣжавшаго вала
Дрожала, какъ зыбкій опалъ.
Команда сурова молчала,
И вѣтеръ косички трепалъ...

По гребнямъ запрыгали баки.
Вдали надъ пустыней сѣдой
Сіяющей шапкой Исаакій
Миражемъ вставалъ надъ водой.

Горѣли прибрежныя мели,
И кланялся низко камышъ:
Мы долго въ тревогѣ смотрѣли
На пятна синѣющихъ крышъ.

И младшая робко сказала:
— Причалимъ иль нѣтъ, капитанъ? . . —
Склонившись надъ кругомъ штурвала,
Назадъ повернулъ я въ туманъ.

КУРОРТНОЕ.

1.

Суша тверже, — я не спорю,
Но морская зыбь мудрѣй . . .
Рано утромъ выйдешь къ морю —
Къ пляскѣ свѣтлыхъ янтарей:
Паѳосъ мѣрныхъ колыханій,
Плескъ волнистыхъ вереницъ, —
Ни фабричныхъ трубъ, ни зданій,
Ни курортовъ, ни темницъ . . .
Какъ когда-то въ дни Еноха
Неоглядна даль и ширь.
Наша гнусная эпоха
Не вульгарный ли волдырь?
Четвертуемъ, лжемъ и воемъ,
Кровь и грязь и смрадный грѣхъ . . .
Ахъ, Господь ошибся съ Ноемъ, —
Утопить бы къ черту всѣхъ . . .
Парусъ всталъ косою тѣнью,
Трепыхнулся и ослабъ.
Горизонтъ цвѣтетъ сиренью.
— Здравствуй, море! — «Кто ты?» — Рабъ.

2.

У воды малышъ въ матроскѣ,
Пухлый, тепленькій цвѣтокъ,
Плачетъ, слизывая слезки,
И куда-то смотритъ вбокъ.
Спинки волнъ свѣтлѣе ртути...
«Что съ тобой? Давай играть!»
Онъ шепнулъ тихонько: «Mutti»...
«Mutti» — это значитъ — мать.
Мать въ кабинкѣ ржетъ съ кузеномъ,
И купальное трико
Надъ упитаннымъ колѣномъ
Впилось въ бедра глубоко.
Мальчикъ, брось! Смотри — изъ сѣтокъ
Рыбаки невдалекѣ
Сыпятъ крошечныхъ креветокъ...
Ишь, какъ вьются на пескѣ...
Ахъ, какъ сладко къ теплой грудкѣ
Ухомъ ласковымъ прильнуть!
Mutti выползла изъ будки.
— Ну, прощай! — «Куда ты?» — Въ путь.

3.

На волнѣ всплыла медуза.
Я поймалъ ее въ кувшинъ:
Въ киселѣ сквозного пуза
Жилки алыхъ паутинъ.
Мѣрно дышитъ и колышетъ
Студень влажный и живой,
И не видитъ и не слышитъ . . .
Ахъ, какъ трудно съ головой!
Тѣснота. На взрытомъ пляжѣ
Скоро негдѣ будетъ лечь.
Въ синевѣ надъ моремъ даже
Человѣческая рѣчь!
Въ гидропланной этажеркѣ
За сто марокъ — флиртъ для всѣхъ . . .
Лѣтъ чрезъ двѣсти всѣмъ по мѣркѣ
Отведутъ клочекъ въ орѣхъ.
Впрочемъ . . . дьяволъ революцій —
Ненасытный вурдалакъ . . .
Что-же, мой морской Конфуцій,
Хочешь въ море? Вотъ чудакъ!

4.

Въ загороженной берлогѣ
Грѣемъ мясо на пескѣ:
Бедра, спины, груди, ноги —
Всё въ одномъ сплошномъ кускѣ.
Волосатые Адамы
Вяло шлепаютъ дѣвицъ.
Раскоряченныя дамы
Съ балыками вмѣсто лицъ . . .
У воды оретъ фотографъ:
«Эй, сниматься! Поскорѣй . . .»
О, Колумбъ, шатунъ-географъ,
Ты не видѣлъ дикарей! . .
Дѣвы, выпятивши груди,
Загораживаютъ дамъ.
Лучъ блаженства въ общей грудѣ
Такъ и рѣетъ по рядамъ . . .
А въ волнахъ, вздѣвъ дамъ на плечи,
Рой самцовъ выводитъ па . . .
Наслаждайся, человѣче:
Это — голая толпа.

5.

За обѣдомъ скифскій боровъ,
Въ пиджачкѣ à la Kokó,
Всласть разводитъ сѣть узоровъ,
Лая звонко и легко:
«Я — инструкторъ пчеловодства.
Сотни курсовъ! Пчелы — вотъ!
Всю Европу отъ банкротства
Лишь совѣтскій медъ спасетъ...»
Вралъ и жралъ, — свиная челюсть
Хлопотала надъ жаркимъ.
Столъ рѣшилъ: «ахъ, медъ, вотъ прелесть!..»
Я, томясь, слѣдилъ за нимъ.
Вотъ онъ весь, съ нутромъ и кожей,
Изъ замученной страны:
Мутноглазый, пухлорожій,
Чертъ съ душою сатаны...
Фрау Флаксъ, отставивъ палецъ,
Вдругъ ко мнѣ склонила ротъ:
«Вы, вѣдь, русскій?» — Португалецъ.
Что сказать ей?.. Не пойметъ.

6.

Лунный щитъ молчитъ надъ пляжемъ.
Зыбь въ серебряной пыли.
Море матовымъ миражемъ
Оградилось отъ земли.
Въ виллѣ лупятъ на рояли
Разухабистый фоксъ-троттъ.
Бегемотъ въ испанской шали
Сѣменитъ въ курзальный гротъ . . .
Львы въ штанахъ съ чеканной складкой
Жмутъ грудастыхъ бѣлыхъ фей . . .
На верандѣ, въ позѣ сладкой,
Голоситъ теноръ-Орфей.
Рвутся вскрики флиртоблуда,
Тишину воды дробя . . .
О, любовь, земное чудо,
Приспособили тебя!
Къ черту! . . Точка . . . Завтра рано
Влажный парусъ рыбака
Въ зыбь разсвѣтнаго тумана
Окунетъ мои бока.

Albeck.

НАДЪ ВСѢМЪ.

Сквозь зеленые буки желтѣютъ чужiя поля.
Черепицей нѣмецкой покрыты высокiя кровли.
Рыбаки собираютъ у берега сѣти для ловли.
Въ чащѣ моря застылъ бѣлокрылый хребетъ корабля.
Если тихо смотрѣть изъ травы, — ничего не случилось,
Ничего не случилось въ далекой, несчастной землѣ..
Отчего-же высокое солнце туманомъ затмилась,
И холодные пальцы дрожатъ на поникшемъ челѣ?..

Лента школьниковъ вышла изъ рощи къ дорогѣ лѣсной,
Сквозь кусты, словно серны, сквозятъ загорѣлыя ноги,
Свистъ и пѣсни, дробясь, откликаются радостно въ логѣ,
Лягушенокъ уходитъ въ канаву припрыжкой смѣшной.
Если уши закрыть и не слушать чужiя слова,
И повѣрить на мигъ, что за ельникомъ русскiя дѣти —
Какъ угрюмо потомъ, колыхаясь, бормочетъ трава,
И зеленыя вѣтви свисаютъ, какъ черныя плети . . .

Мысль, не вѣря, взлетаетъ надъ каждымъ знакомымъ
селомъ,
И кружитъ вдоль дорогъ и звенитъ надъ родными
песками . . .
Чингисъ-Ханъ, содрогаясь, закрылъ-бы ланиты руками!
Словно саванъ бѣлѣтъ газета подъ темнымъ стволомъ.
Если чащей къ обрыву уйти, — ничего не случилось . . .
Море спитъ, — переливы лучей на сквозномъ
кораблѣ.
Можетъ быть, наше черное горе намъ только
приснилось?
Даль молчитъ. Облака въ голубѣющей мглѣ . . .

Kölpinsee

* * *

Грубый грохотъ сѣвернаго моря.
Грязнымъ дымомъ стынутъ облака.
Черный лѣсъ, крутой обрывъ узоря,
Окаймилъ пустынный бортъ песка.
Скучный плескъ, пронизанный шипѣньемъ,
Монотонно точитъ тишину.
Разбивая пѣнный валъ на звенья,
Насыпь душитъ мутную волну . . .
На рыбачьемъ старенькомъ сараѣ
Камышинка жалобно пищитъ
И купальня дальняя на сваяхъ
Австралійской хижиной торчитъ.
Но сквозь муть маякъ вдругъ брызнулъ свѣтомъ,
Словно глазъ изъ-подъ свинцовыхъ вѣкъ:
Надъ отчаяньемъ, надъ бездной въ мірѣ этомъ
Бодрствуетъ безсонный человѣкъ.

Kölpinsee, 1922.

* * *

Лѣсовъ тѣнистые покровы
Взбѣгаютъ вверхъ до облаковъ.
Шоссе бѣжитъ среди холмовъ.
Въ возахъ — вальяжныя коровы.
Внизу снопы косматой ржи,
По пашнѣ гуси ходятъ чинно,
И съ рѣзвымъ крикомъ вдоль межи
Бѣгутъ двѣ дѣвочки съ корзиной.

Картошка радостно цвѣтетъ,
Ботва темнѣетъ полосами.
Играетъ вѣтеръ волосами,
Пчела танцуетъ надъ усами —
И телеграфный столбъ поетъ.

Ахъ, если-бъ сжечь всѣ корабли,
Забыть проклятый день вчерашній,
Добыть кусокъ зеленой пашни
И взрѣзать плугомъ грудь земли!

Пусть тамъ въ безумныхъ городахъ
Другъ другу головы срываютъ
И горы лжи нагромождаютъ, —
Здѣсь миръ въ поляхъ, въ лѣсахъ, въ садахъ . . .
Въ извѣчныхъ, медленныхъ трудахъ
Струится жизнь сквозь дымъ столѣтій,
И люди чисты — словно дѣти.

ИСКУССТВО.

Богъ, злой Отецъ, насъ соблазнилъ Эдемомъ
И предалъ псамъ и выгналъ скорбныхъ въ тьму,
И только Музы ласковымъ гаремомъ,
Какъ отзвукъ рая, сходятъ къ намъ въ тюрьму.

Глаза ихъ манятъ радостью могучей,
Безсмертный свѣтъ дрожитъ на ихъ челѣ . . .
Вставай, мой ближній, бьющійся въ падучей,
Есть міръ иной на этой злой землѣ!

Нѣтъ Бога? Что-жъ . . . Насъ отогрѣютъ Музы,
Нѣтъ правды? — Пусть . . . Сны жажду утолятъ:
Распятый духъ срываетъ гнѣвно узы
И все безумнѣй рвется въ Свѣтлый Садъ.

Изъ вѣка въ вѣкъ звенитъ мечта живая,
Всѣхъ палачей она переживетъ —
Она одна, всѣхъ праведныхъ вѣнчая,
Нетлѣнной скорбью плещетъ въ эшафотъ.

Безъ словъ Христа, поэта изъ поэтовъ,
Безъ слёзъ Бетховена, безъ Фидіевскихъ грёзъ
Одни холмы безчисленныхъ скелетовъ
Сковалъ-бы смертью міровой морозъ.

Вставай, мой братъ... И робкій и печальный
Къ твоимъ ногамъ склоняюсь я во тьмѣ:
Есть міръ иной, загадочный и дальній, —
Любовь поетъ и въ склепѣ и въ тюрьмѣ.

Цвѣтутъ цвѣты. Томясь, шумятъ деревья:
Пока у насъ не выкололи глазъ,
Мы, забывая горькія кочевья,
Въ ладьѣ мечты утѣшимся не разъ...

* * *

Здравствуй, Муза! Хочешь финикъ?
Или рюмку марсалы?
Я сегодня имянинникъ...
Что глядишь во всѣ углы?
Не сердись: давай ладошку,
Я къ глазамъ ее прижму...
Современную окрошку,
Какъ и ты, я не пойму.

Одуванчикъ безполезный,
Факелъ нѣжной красоты!
Грохотъ дьявола надъ бездной
Надоѣлъ до тошноты...
Подари мнѣ часъ безпечный!
Будетъ время — всѣ уснемъ.
Пусть волною быстротечной
Хлещетъ въ сердце день за днемъ.

Передъ меркнущимъ каминомъ
Лирой вмигъ спугнемъ тоску!
Хочешь хлѣба съ маргариномъ?
Хочешь рюмку коньяку?
И улыбка молодая
Загорѣлась мнѣ въ отвѣтъ:
«Голова твоя сѣдая,
А глазамъ — шестнадцать лѣтъ!»

МАНДОЛА.

Лакированный, пузатый,
Другъ мой нѣжный и пѣвучій,
Итальянская мандола —
Восемь низкихъ гулкихъ струнъ . . .
Въ часъ вечерній и крылатый
Ропотъ русскихъ перезвучій, —
Слободская баркарола, —
Налетаетъ, какъ бурунъ . . .

Пѣсня бабочкой гигантской
Подъ карнизами трепещетъ,
Подъ ладонью сердце дышитъ
Въ раскачавшейся рукѣ . . .
Въ этой жизни эмигрантской
Даже дождь угрюмѣй хлещетъ . . .
Но ударъ струну колышетъ —
Пѣсня взмыла налегкѣ.

Въ старой лампѣ шепотъ газа.
Тихъ напѣвъ гудящихъ звеньевъ:
Роща, прудъ, крутые срубы,
Приозерная трава . . .
«Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза,
Изъ подъ липовыхъ кореньевъ»,
Вторя пѣснѣ, шепчутъ губы
Изумрудныя слова.

*   *
*

Тѣхъ, кто страдаетъ гордо и угрюмо,
Не видимъ мы на нашихъ площадяхъ:
Задавлены случайною работой
Таятся по мансардамъ и молчатъ . . .
Не спекулируютъ, не пишутъ манифестовъ,
Не прокурорствуютъ съ партiйной высоты
И изъ своей больной любви къ Россiи
Не дѣлаютъ профессiи лихой . . .
Ихъ мало? Что-жъ . . . Но только ими рдѣютъ
Послѣднiе огни родной мечты.
Я узнаю ихъ на спектакляхъ русскихъ
И у витринъ съ рядами русскихъ книгъ —
По строгому, холодному обличью,
По сдержанной печали жуткихъ глазъ . . .
Въ Америкѣ, въ Каирѣ иль въ Берлинѣ
Они одни и тѣ-же: боль и стыдъ.
Они — Россiя. Остальное — плѣсень:
Валюта, декламацiя и ложь,
Развязная, заносчивая наглость,
Удобный символъ безразличныхъ — «наплевать»,
Помойка сплетень, купля и продажа,
Построчная истерика тоски
И два десятка эмигрантскихъ анекдотовъ . . . .

РУССКАЯ ПОМПЕЯ

* * *

Прокуроровъ было слишкомъ много!
Кто грѣховъ Твоихъ не осуждалъ?..
А теперь, когда темна дорога,
И гудитъ-реветъ девятый валъ,
О Тебѣ, волнуясь, вспоминаемъ, —
Это все, что здѣсь мы сберегли...
И встаетъ былое свѣтлымъ раемъ,
Словно дѣтство въ солнечной пыли...

ИГРУШКИ.

1.

У Тучкова моста жилъ художникъ,
Бородато-пухлое дитя.
Свѣжій и румяный, какъ пирожникъ,
Цѣлый день работалъ онъ, свистя:
Мѣдь травилъ шипящей кислотою,
Затиралъ на доскахъ пемзой фонъ,
А потомъ, упершись въ полъ пятою,
Налегалъ на прессъ, какъ грузный слонъ.
Зимній вѣтеръ хныкалъ изъ-подъ вьюшки.
Вдоль лазурно-снѣжнаго окна
Въ рядъ стояли русскія игрушки, —
Сказочная, пестрая страна:
Злой Щелкунъ съ башкою вродѣ брюквы,
Колченогій въ яблокахъ конекъ,
Ванька-Встанька съ пузомъ ярче клюквы
И олифой пахнущій гусекъ.
Въ уголкѣ медвѣдь и мужиченка
Въ наковальню били обухомъ,
А Матрешка, наглая бабенка,
Распускала юбки кораблемъ . . .
Разложивши влажные офорты,
Отдыхалъ художникъ у окна:
Щелкуна пощелкаетъ въ ботфорты,
Попищитъ собачкой. Тишина . . .

Пыль обдуетъ съ глиняныхъ свистулекъ,
Двухголовой уткѣ свиснетъ въ задъ,
Передвинетъ липовыхъ бабулекъ
И зѣвнетъ, задравъ плечо назадъ.
Поплыветъ весна передъ глазами, —
Пензенская ярмарка, ларьки,
Крестный ходъ, поддевки съ образами
И гармонь, и знойные платки . . .
За окномъ декабрь. Вся даль — въ закатѣ.
Спитъ Нева подъ снѣжною фатой.
Между рамъ, средь гаруса на ватѣ,
Янтарѣетъ рюмка съ кислотой.
Тихо снялъ съ гвоздя художникъ бурку, —
Синей стужей тянетъ изъ окна, —
И пошелъ растапливать печурку,
Чтобъ сварить съ корицею вина.

2.

Праздникъ былъ. Среди пустой мансарды
На столѣ дремало деревцо.
Наклонясь, тучковскій Леонардо
Спряталъ въ елку круглое лицо...
У подножья разложилъ игрушки.
На парчѣ, сверкавшей полосой,
Ромъ, кутья, румяныя ватрушки
И тарелки съ чайной колбасой.
Въ двери лупятъ кулаками гости, —
Волосатый, радостный народъ.
Сбросивъ въ уголъ шапки, шубы, трости,
Завели вкругъ елки хороводъ...
Пѣли хоромъ «Изъ страны далекой»,
Чокались съ игрушками рыча.
На комодѣ, въ рюмкѣ одинокой,
Оплывала толстая свѣча.
Звѣзды млѣли за окномъ невинно,
Рождество плыло надъ синевой...
Щелкуна раскрасили карминомъ,
И Матрешку пичкали халвой.
Ваньку-Встаньку выпороли елкой,
Окунули съ головой въ бокалъ,
Вбили въ пупъ огромную иголку,
Но злодѣй на зло опять вставалъ.

Быть все время взрослыми нелѣпо:
Завернувшись въ скатерть, гость-горнякъ
Увѣрялъ знакомыхъ: «Я Мазепа!»
Но они кричали: «Ты дуракъ!»
А потомъ, схвативъ конька въ объятья,
Взлѣзъ хозяинъ, снявъ пиджакъ, на печь
И сказалъ, что такъ какъ люди братья,
То игрушки нечего беречь!
Раздарилъ друзьямъ свое богатство,
Грузно слѣзъ, легъ на полъ и застылъ,
А слегка упившееся братство
Надъ уснувшимъ спѣло: «Кто-бъ онъ былъ? . . .»
Одному тогда досталась утка
Со свисткомъ подъ глинянымъ хвостомъ.
Дунешь въ хвостъ, и жалобная дудка
Спрашиваетъ тихо: «Гдѣ мой домъ?»

3.

На рѣзной берлинской этажеркѣ
У окна чужихъ сокровищъ рядъ:
Сладкій гномъ въ фарфоровой пещеркѣ,
Экипажъ съ семействомъ поросятъ,
Мопсъ изъ ваты . . . Помѣсь льва съ барашкомъ
Въ золотой фаянсовой травѣ,
Бомбоньерка ввидѣ дамской ляжки,
И Валькирія съ копилкой въ головѣ . . .
Скучно русской глиняной игрушкѣ
На салфеткѣ вязаной торчать:
Справа двѣ булавочныхъ подушки,
Слѣва козлоногая печать.
Тишина. Часы солидно дышатъ,
На стѣнѣ поблекшіе рога.
За стекломъ ребромъ взбѣгаетъ крыша.
Чахлый снѣгъ и фонарей дуга.
У окна застылъ чудакъ въ тужуркѣ.
Проплываетъ прошлое, какъ мифъ:
Май — Ромны — галдежъ хохлушекъ юркихъ,
Въ гущѣ свитокъ пестротканный лифъ . . .
Вдоль стекла ползутъ безсильно хлопья,
И миражи таютъ и плывутъ:
Лѣсъ оглобель поднялъ къ солнцу копья,
Гамъ, волы, безпечный праздный людъ.

Здѣсь — копною сѣрыя макитры,
Тамъ — ободья желтые въ пыли.
За рѣкой курганы, словно митры,
Надъ зеленой степью спятъ вдали.
Выступаютъ гуси вдоль дороги
Бѣлою горластой полосой . . .
И дитя у хаты на порогѣ
И барвинокъ, сбрызнутый росой . . .
Обернулся . . . Газъ, рога, обои.
Взялъ игрушку милую въ ладонь:
Хвостъ отбитъ, свистокъ шипитъ и воетъ, —
Все, что спасъ онъ въ злые дни погонь.
Ночь гудитъ. Часы кряхтятъ лѣниво.
Сотни лѣтъ прошли надъ головой . . .
Не она-ль, блестя въ стеклѣ поливой,
Тамъ въ окнѣ стояла надъ Невой?

НЕВСКІЙ.

Здѣсь въ Александровскомъ саду
Весной — пустой скамьи не сыщешь:
Въ лѣнивомъ солнечномъ чаду
Вдоль по дорожкамъ рыщешь-свищешь.
Сквозь дымку почекъ вьется людъ.
Горитъ газонъ огнемъ бенгальскимъ,
И отдыхающій верблюдъ
Прилегъ на камень подъ Пржевальскимъ . . .
Жуковскій, голову склоня,
Груститъ на узкомъ постаментѣ.
Снуетъ штабная солдатня —
И Невскій вдаль струится лентой.
У «Александра» за стекломъ
Пестрятъ японскія игрушки.
Внезапно рявкнулъ за угломъ
Веселый ревъ полдневной пушки.
Мелькнуло алое манто . . .
Весенній день — отрада взору.
Въ толпѣ шинелей и пальто
Плывешь къ Казанскому собору:
Многоколонный полукругъ
Колеблетъ мглу подъ темнымъ сводомъ,
Цвѣтникъ, какъ пестротканный лугъ,
Цвѣтетъ и дышитъ передъ входомъ . . .

Карнизы банковъ и дворцовъ
Румянымъ солнцемъ перевиты.
По глади шахматныхъ торцовъ
Протяжно цокаютъ копыта.
У кучеровъ-бородачей
Зады подбиты плотной ватой,
А вдоль панелей гулъ рѣчей
И восклицанiй плескъ крылатый...
Гостиный дворъ раскрылъ фасадъ:
Купить засахаренной клюквы?...
Надъ бѣлизной сквозныхъ аркадъ
На солнцѣ золотятся буквы.
Идешь-плывешь. Домой? Грѣшно.
Въ каналѣ ботъ мелькнулъ дельфиномъ,
Горитъ аптечное окно
Пузатымъ голубымъ графиномъ.
Вотъ и знакомый, милый мостъ:
Съ боковъ темнѣютъ силуэты —
Опять встаютъ во весь свой ростъ
Все тѣ-же кони и атлеты...
Къ граниту жмется строй садковъ,
Фонтанка даль осеребрила.
Смотри — и слушай гулъ подковъ,
Облокотившись на перила...
Гремятъ трамвайные звонки,
Протяжно цокаютъ копыта, —
Раскинувъ ноги, рысаки
Летятъ и фыркаютъ сердито.

ВЕСНА НА КРЕСТОВСКОМЪ.

А. И. Куприну.

Сѣть лиственницъ выгнала алыя точки.
Бѣлѣетъ въ саду флигелекъ.
Котъ томно обходитъ дорожки и кочки
И нюхаетъ каждый цвѣтокъ.
Такъ радостно бросить бумагу и книжки,
Взять весла и хлѣба въ кулькѣ,
Коснуться холодной и ржавой задвижки
И плавно спуститься къ рѣкѣ . . .
Качается пристань на блѣдной Крестовкѣ.
Налѣво — Елагинскій мостъ.
Вдоль тусклой воды серебрятся подковки,
А небо, какъ тихій погостъ.
Черемуха пѣной курчавой покрыта,
На вѣткахъ мальчишки-жулье.
Веселая прачка склонила корыто,
Поетъ и полощетъ бѣлье.
Затекшія руки дорвались до гребли.
Уключины стонутъ чуть-чуть.
На веслахъ повисли какіе-то стебли,
Мальки за кормою, какъ ртуть . . .
Подъ мостикомъ гулкимъ качается плѣсень.
Копыта рокочатъ вверху..
За сваями эхо чиновничьихъ пѣсенъ,
А ивы — въ цыплячьемъ пуху . . .

Краснѣютъ столбы на водѣ возлѣ дачки,
На ряби — цвѣтная спираль.
Гармонь изнываетъ въ любовной горячкѣ,
И въ каждомъ челнѣ — пастораль.
Вплываю въ Неву. Острова, какъ корона:
Волнисто-кудрявая грань . . .
Летятъ рысаки сквозь зеленое лоно.
На баркахъ лѣнивая брань.
Пестрѣетъ нарядами дальняя Стрѣлка.
Вдоль мели — щетиной камышъ.
Все шире вода, голубая тарелка,
Все глубже весенняя тишь . . .
Лишь катеръ порой пропыхтитъ торопливо,
Горбомъ залоснится волна,
Матросъ, словно статуя, вымпелъ, какъ грива, —
Качнешься — и вновь тишина. . .

О родинѣ, каждый изъ насъ вспоминая,
Въ тоскующемъ сердцѣ унесъ
Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая,
Кто заросли ялтинскихъ розъ . . .
Подъ пепломъ печали храню я ревниво
Послѣдній счастливый мой день:
Крестовку, широкое лоно разлива
И Стрѣлки зеленую сѣнь.

НА «ОСТРОВАХЪ».

На Крестовскомъ возлѣ конки
Санки пестренькія ждутъ.
У пузатой лошаденки
Пляшетъ въ гривѣ красный жгутъ...
Бубенцы нѣжны и звонки...
У возницы взяли кнутъ...

Промелькнулъ орелъ аптеки.
Солнце кажетъ алый щитъ.
Спитъ Нева. Снѣгъ рѣжетъ вѣки,
Мостъ подъ полозомъ гудитъ.
Ветлы — старыя калѣки...
Сбоку валенка виситъ...

Острова несутся мимо,
Машутъ снѣжной бородой.
Словно крылья серафима
Иней искрится сѣдой,
Облака, какъ клочья дыма,
Стынутъ розовой грядой...

Сзади мчатся три чинуши, —
Вожжи вкось, лошадка въ бокъ,
Двѣ дѣвчонки-хохотуши
Отскочили за дубокъ...
Вѣтерокъ кусаетъ уши, —
Не боимся, голубокъ!

Разскакалась лошаденка.
Не удержишь. Эхъ, ты мышь!
Заиграла селезенка.
Не свались, держись, малышъ . . .
Бубенцы легко и звонко
Заливаютъ плескомъ тишь.

Прокатились. Вонъ нашъ вейка:
Ждетъ на тумбѣ за ларемъ.
«Сколько?» — «Ридцать пять копѣйка.»
Побренчали серебромъ . . .
А теперь домой, скорѣй-ка, —
Чаю съ бубликомъ попьемъ.

ПСКОВЪ.

Надъ ширью величавыхъ водъ
Вдали встаетъ копна собора.
Гудитъ далекій пароходъ . . .
А здѣсь за мшистой тьмой забора
Желтѣютъ кисти барбариса,
Надъ грядкой жимолость цвѣтетъ . . .
Въ саду распѣлась Василиса.
Искрясь, Великая плыветъ.
Вдали, весь бѣленькій, у мыса
Молчитъ игрушка-монастырь, —
Синѣютъ главы на лазури.
Рѣка, полна весенней дури,
Бормочетъ радостный псалтырь.
Налѣво мостъ, — горбатый змѣй,
Разлегся дугами надъ гладью.
На мостъ ползетъ телѣга съ кладью:
Конь — карликъ, ломовой — пигмей . . .
У богадѣльни старички
На солнцѣ мирно грѣютъ кости,
Низы домишекъ у рѣки
Всѣ въ грязныхъ брызгахъ, какъ въ коростѣ.
На кладкахъ писарь и портниха
Воркуютъ нѣжно у воротъ.
Шипитъ крапива: тихо-тихо . . .
Къ водѣ идетъ гусиный взводъ.

Съ моста надъ Псковой.

На Псковѣ, гдѣ рыбный рядъ,
Барки грузныя скрипятъ:
Здѣсь — снитки, тамъ — груды клюквы,
Мачты — цвѣта свѣжей брюквы,
У руля тряпье шатра...
Зеленѣетъ заводь рѣчки,
А на мачтахъ флюгера, —
Жестяные человѣчки, —
Вправо-влѣво, съ вѣтромъ въ ладъ
Сонно вьются и пищатъ.
На мощеномъ берегу
Бабы клонятся въ дугу
И серебряную рыбу
Собираютъ молча въ глыбу.
Чешуя вокругъ въ вершокъ...
Крѣпокъ рыбный запашокъ!
Подъ откосомъ рядъ ларей.
Спятъ амбары, сномъ объяты
И пестрѣютъ, какъ заплаты,
Латы кованыхъ дверей...
Котъ взобрался на трубу.
Ива чубъ къ водѣ склонила...
У харчевни ждетъ кобыла,
Оттопыривши губу.

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ.

Какъ прохладно въ гостиныхъ рядахъ!
Пахнетъ нефтью и кожей
И сырою рогожей...
Цѣпи пыльною грудой темнѣютъ на ржа-
выхъ пудахъ,
У желѣзной литой полосы
Зеленѣютъ вѣсы.
Стонутъ толстые голуби глухо,
Выбираютъ изъ щелей овесъ...
Подъ откосъ,
Спотыкаясь, плетется слѣпая старуха,
А у лавокъ, подъ низкими сводами стѣнъ
У иконъ янтарѣютъ лампадныя чашки,
И купцы съ бородами до самыхъ колѣнъ
Забавляются въ шашки.

Псковъ.

ПСКОВИТЯНКА.

Поганкины палаты
Бѣлѣе изразца.
На столбикахъ пузатыхъ
Свисаетъ сводъ крыльца.
Трава ежомъ зеленымъ
Замшила тихій дворъ,
А вѣтеръ вздохомъ соннымъ
Кружитъ въ воротахъ соръ.

Томясь, спускается съ крыльца
Телеграфистка Глаша.
Надъ крышей — небо безъ конца . . .
Овалъ румянаго лица,
Какъ греческая чаша.
Надъ темнорусой головой
Вуаль играетъ рыбкой,
Въ глазахъ, плѣненныхъ синевой,
Лѣнивая улыбка.

Тамъ въ Поганкиныхъ палатахъ
За стекломъ въ пустыхъ покояхъ
Столько древней красоты:
Сарафаны въ перехватахъ,

Зыбь парчи въ густыхъ левкояхъ,
Кички — райскіе цвѣты.
Усмѣхнулась, помечтала.
Ахъ, какъ прѣсно въ синемъ платьѣ,
Въ колпачкѣ изъ чесунчи!
Вѣдь она еще не знала,
Что весеннія объятья
Горячи и безъ парчи...

Стучитъ по мосткамъ каблучками...
Съ заборовъ густыми снопами
Лиловая никнетъ сирень.
Мелькнулъ подоконникъ съ купчихой.
Какъ островъ, средь заводи тихой,
Свободный раскинулся день...
Сорвала зелененькій листикъ,
Вверху закачался шиповникъ,
Надъ церковкой птицъ хороводъ, —
И каждый прохожій чиновникъ
И каждый малышъ-гимназистикъ
Ей сердце свое отдаетъ.

На базарѣ плескъ и гамъ:
Кони — бабы — печенѣги.
Глаша тянется къ ларькамъ
И глазѣетъ на телѣги.
На землѣ у старика
Косы синія — рядами.
Обступили, жмутъ бока,
Въ сталь защелкали ногтями.

Обошла галдящій кругъ.
Изъ трактира ржетъ машина.
Въ сторонѣ — холмъ новыхъ дугъ.
Обернулась внизъ: картина!
Пышутъ мальвы на платкахъ...
Такъ чудесно въ гору чинно
Подыматься на носкахъ
Сквозь соборный дворъ пустынный.

На глади Великой смѣшной пароходикъ чуть
больше мизинца,
Бѣлѣетъ безмолвный соборъ-исполинъ.
Подъ вышкой сѣрѣютъ корявыя стѣны дѣтинца.
На облакѣ — сонный, вечерній карминъ.
Задумчиво Глаша идетъ, напѣвая, на вышку:
Глаза — два весеннихъ пруда.
Стоитъ, улыбаясь, смиряя задоръ и одышку
И смотритъ, какъ гаснетъ внизу у обрыва вода.

Закатъ сквозитъ печальной лентой. Пора домой.
Пскова-рѣка смываетъ барки лиловой тьмой.
Уже вдоль Зáпсковья въ домишкахъ зажгли огни.
Всѣ купола давно уснули въ сѣдой тѣни.
Мать дремлетъ. На кривомъ балконѣ горитъ свѣча,
Внизу въ хлѣву вздыхаетъ телка, сквозь сонъ
мыча —
И самоваръ бурлитъ-клокочетъ, ждетъ на столѣ...
Быстрѣе вихря мчится Глаша въ знакомой мглѣ.

ВЪ ОДЕССѢ.

Вдоль деревянной длинной дамбы
Хвосты товарныхъ поѣздовъ.
Тюки въ брезентѣ, словно ямбы,
Плѣняютъ четкостью рядовъ.
Дымятъ гиганты-пароходы,
Снуютъ матросы и купцы.
Арбузной коркой пахнутъ воды —
И зыбь и блескъ во всѣ концы.
На волнорѣзѣ такъ пустынно . . .
Чудакъ въ крылаткѣ парусинной
Снимаетъ медленно съ крючка
Вертлявоскользкаго бычка.

Всю гавань тихо и лѣниво
Подъ солнцемъ добрымъ обойдешь . . .
Воркуютъ голуби учтиво,
Босякъ храпитъ въ тѣни рогожъ.
Кадитъ корицей воздухъ лѣтній . . .
Глазѣешь на лихой народъ
И выбираешь, какъ трехлѣтній,
Себѣ по вкусу пароходъ.
Впередъ по лѣстницѣ гигантской!
Жара бросаетъ въ потъ цыганскій,
Акацій пыльные ряды
Съ боковъ свергаются въ сады.

Доползъ до памятника «Дюку»...
День добрый, герцогъ Ришелье!
Щиткомъ къ глазамъ подносишь руку:
Спитъ море — синее колье...
Въ ребрѣ средь памятника — бомба,
Жужжитъ кольцомъ цвѣтникъ дѣтей,
И грекъ, исполненный апломба,
Раскрылъ, пыхтя, лотокъ сластей.
Сажусь у лѣстницы на кладку, —
Мороженщикъ снялъ съ круга кадку.
Сквозь Николаевскій бульваръ
Плыветъ змѣя безпечныхъ паръ.

Голландскій шкиперъ бѣлоснѣжный
Склонилъ къ Карменъ одесской лобъ.
Взлетаетъ смѣхъ, какъ жемчугъ нѣжный,
Играетъ палкой мѣстный снобъ,
Горитъ надъ жирнымъ туркомъ феска,
Студентъ гарцуетъ средь дѣвицъ...
Внизу среди морского блеска
Чернь пароходныхъ верениц...
Казаки, статные, какъ кони,
Кружкомъ разсѣлись въ павильонѣ...
Урядникъ грузенъ, какъ бугай.
Запѣли... Эхъ, не вспоминай!

ПОЛТАВСКІЙ РАЙ.

Славный садикъ у Дмитро —
Сѣроглазаго мальчишки!
Тѣсно, тихо и пестро
И прохладно, какъ въ кубышкѣ . . .

На заваленкѣ сидимъ,
Пресерьезные, какъ турки.
Тѣнь отъ листьевъ, словно дымъ.
Пахнетъ известь штукатурки . . .

Пышатъ охрой ноготки —
Деревенскіе цвѣточки.
Все на свѣтѣ пустяки,
Кромѣ . . . писаревой дочки!

Чортъ ли насъ розыщетъ здѣсь?
Тихій островъ безъ названья —
И на немъ густая смѣсь
Тѣни, красокъ и жужжанья . . .

Цвѣтъ настурцій ярче ранъ.
Все проходитъ, все забвенно.
Въ клунѣ хрюкаетъ кабанъ
Мелодично и блаженно.

Синій-синій сонъ небесъ.
Облака свернулись въ вату,
И подсолнечниковъ лѣсъ
Обступилъ, какъ джунгли, хату.

* * *

Въ пышной вишнѣ дрожь и шорохъ.
Сбоку — лѣстницы ребро.
Гулко падаетъ въ ведро
Темнокрасныхъ вишень ворохъ.
Вѣтка къ лѣстницѣ прижала
Загорѣлую ступню.
Сквозь шуршащую возню
Вьется пѣснь, острѣе жала,
Въ молодыя небеса.

Приложивъ къ глазамъ ладонь,
Смотритъ Мотря надъ верхушкой:
У рѣки дымитъ огонь,
Чей-то конь бредетъ опушкой.
Лугъ полого льнетъ къ рѣкѣ...
Дѣдъ плыветъ на челнокѣ.
На холмѣ курчавый лѣсъ
Полонъ влажной, сонной тѣнью...
Пятка виснетъ надъ ступенью,
И душа полна чудесъ...

Вишни пляшутъ подъ рукой:
Двѣ въ ведро, — четыре въ губы.
Терпкій сокъ окрасилъ зубы...
Кто-то крикнулъ за рѣкой...
Встрепенулась... Надо рвать,
Чтобъ поспѣть съ ведромъ къ закату!
Помогла-бъ, пожалуй, мать,
Да сегодня бѣлитъ хату.
Скрылась въ листьяхъ синева, —
Заходили рукава...

ЗАТОНЪ.

Глазамъ показалось, что это олива,
Но оливъ въ Малороссіи нѣтъ —
Это старая дымчато-сизая ива
Наклонила къ водѣ свой скелетъ...

Челнокъ зашипѣлъ о прибрежные стебли
И вплылъ подъ кудрявый навѣсъ...
Колотится сердце отъ бѣшеной гребли,
Камыши обступаютъ, какъ лѣсъ.

Одинъ. За верхушками матовыхъ копій
Колышатся спины коровъ,
Подножья березокъ съ пятнами топи
И зеленыя шапки бугровъ.

Облака проплываютъ, какъ бѣлыя яхты.
Головастики илъ бороздятъ.
За кустомъ надъ водой изъ подъ клѣтчатой
плахты
Загорѣлыя пятки висятъ.

НА ТОКУ.

Въ стогу молодой соломы
Сижу, какъ въ гнѣздѣ.
Лошадиная морда въ уздѣ
Торчитъ изъ за бревенъ дома:
Тамъ въ телѣгѣ, подъ тканью рогожъ,
Туго горбится новая рожь.

Дрожитъ бокъ вѣялки красной.
Взлетаетъ столбомъ шелуха.
Скрипитъ рукоятка безстрастно,
Склоняется плавно сноха,
Дѣдъ сыпетъ въ устье все новую рожь.
Въ воздухѣ гулкая дрожь,
Прерывистый грохотъ и шелестъ зерна, —
А въ стогу — тишина.

Тепло и пахнетъ соломой . . .
Глаза потушены дремой.
Вѣтеръ клонитъ почти до земли
Густые ряды конопли
И надъ сѣрой дорогой, внезапно вспыля,
Улетаетъ въ пустыя поля . . .

Такая полная радость!
Простая и рѣдкая радость . . .
Быть можетъ, самый безпечный мой часъ:
Солома, полоска неяркаго неба,
Шипѣніе новаго хлѣба
И вѣялки старой глухой усыпительный трясъ . .

ПРУДЪ.

Зелененькою ряскою
Покрыта гладь пруда.
Подъ зыбкою замазкою
Колышется вода . . .

У берега метелочки
Густого тростника,
А на бугрѣ двѣ елочки
Сквозятъ издалека.

Въ прудѣ колода дряхлая
Спитъ кверху животомъ.
Склонилась ива чахлая
Взлохмаченнымъ кустомъ.

Кра-кра! Плывутъ отъ берега
Утята-малыши, —
Съ лягушками — истерика,
Удрали въ камыши . . .

И только жаба важная,
Какъ будто напоказъ,
Дородная и влажная,
Изъ тины пучитъ глазъ.

Въ водѣ бѣгутъ пузырики,
Проснулись тростники,
И въ сердцѣ, полномъ лирики,
Рождаются стишки . . .

НЯНЬКА.

(Лубокъ.)

Гдѣ барчукъ? Удралъ къ рѣкѣ
Покачаться въ челнокѣ...
Подобравъ свои оборки,
Нянька сѣла на пригоркѣ,
Съ трескомъ сѣмечки грызетъ
И облизываетъ ротъ.
Молода: шестнадцать лѣтъ,
Груди рвутся за корсетъ,
Ноги — двѣ литыхъ колонны,
Глазки сѣренькіе сонны,
Лобъ въ кудряшкахъ, бантъ — въ аршинъ,
Цыферблатъ, какъ красный блинъ,
Пухлый носъ въ густыхъ веснушкахъ,
Два кольца трясутся въ ушкахъ...
Пропотѣла, пропеклась,
И, зѣвая, какъ карась,
Разлеглась шуршащей тушей
Подъ тѣнистой дикой грушей.

*

Затаивъ въ восторгѣ духъ,
Смотритъ, вытянувши шею,
На прекрасную Цирцею
Изъ-за ясеня пастухъ.
Пять коровъ ушло въ овесъ —
Онъ не видитъ и не слышитъ,
Вѣтеръ ясень съ нимъ колышетъ,
Словно онъ къ стволу приросъ...
«Вотъ такъ Питеръ! Ай-да-ну!»
А въ запрошлую весну,
Какъ онъ хлопалъ на гумнѣ
Эту Дуню по спинѣ!..

ШАЛАШИКЪ.

Это шалашикъ дѣда Егора.
Вонъ его свитка лежитъ на золѣ.
Скоро придетъ онъ съ лукошкомъ изъ бора,
Будетъ грибы разбирать на землѣ.
Сохнутъ на жерди густыя охапки —
Передъ покосомъ дѣдъ тминъ обобралъ.
Палкой пучки обмолотитъ на тряпкѣ,
Свѣетъ, а сѣмя въ мѣшечекъ. Видалъ? . .
Вотъ чугунокъ съ оттопыреннымъ ухомъ . . .
Сваритъ дѣдъ кашу, до капельки съѣстъ.
Свѣжее сѣно покажется пухомъ —
Ляжетъ, закуритъ, посмотритъ окрестъ . . .
Вечеромъ, чуть пропадетъ за оврагомъ
Соннаго солнца цвѣтной ободокъ,
Вспыхнетъ костеръ яркорозовымъ флагомъ
И озаритъ задремавшій прудокъ.
Къ спящему саду наставитъ дѣдъ уши
И загремитъ въ темноту: «Ого-го!»
Вынетъ изъ пепла шипящія груши,
Дунетъ — и въ ротъ. «Горячо?» — «Ничего!» . .

ЗИМА.

1.

Надъ черной прорубью дымится сизый паръ.
Подъ валенками снѣгъ шипитъ и таетъ.
Въ далекой деревушкѣ Жучка лаетъ,
А солнце — алый шаръ!
Пойдемъ на островъ . . . Пышный и сѣдой
Въ озерной бѣлизнѣ онъ спитъ глубоко,
Блестя заиндевѣвшею осокой
Надъ скованной водой . . .

2.

Елки — бѣленькія свѣчи.
Здравствуй, дубъ широкоплечій,
Очарованный старикъ!
Какъ живешь? Озябъ? Еще-бы!
У пяты — бугромъ сугробы,
Надъ челомъ — сѣдой парикъ. . . .
Вѣтеръ лютый и безстыжій
Шелеститъ листвою рыжей,
Съ неба сыплется снѣжокъ. . . .
Пусть. . . . Весна не за горами:
Пестроглазыми цвѣтами
Закудрявится лужокъ,
Понатужась, лопнутъ почки,
И зеленые комочки
Крикнутъ радостно: Пора!
Не ворчи. . . . Вѣдь я терплю-же,
У меня бѣда похуже:
Видишь — въ валенкѣ дыра?

3.

Если взрыть снѣжокъ подъ елкою у кочки,
Подъ навѣсомъ зимнихъ дымчатыхъ небесъ
Ты увидишь чудо изъ чудесъ:
На брусникѣ изумрудные листочки!
Если ихъ къ щекѣ прижать нетерпѣливо,
О, какъ нѣженъ влажный ихъ атласъ!
Словно губы матери счастливой,
Передъ сномъ касавшіяся насъ. . .
Иней всѣ березы запушилъ,
Вербы въ бѣлыхъ-бѣлыхъ пышныхъ сѣткахъ. . .
Спитъ зима на занесенныхъ вѣткахъ,
Вѣтеръ крылья свѣтлосинія сложилъ . . .
Горсть брусничныхъ вѣтокъ я связалъ въ пучекъ,
Дома ихъ поставлю въ банку изъ-подъ меда —
Пусть за дверью воетъ непогода:
На моемъ столѣ — весны клочекъ. . .

4.

«Тишина!» шепнула бѣлая поляна.
«Тишина!» вздохнула, вѣя снѣгомъ, ель.
За стволами зыбь молочнаго тумана
Окаймила пухлую постель.
Переплетъ тѣней вдоль снѣжнаго кургана. . . .
Хлопья медленно заводятъ карусель,
За опушкой — тихая метель,
Въ небѣ — мутная, безбрежная нирвана. . . .
«Тишина!» качаясь, шепчетъ ель.
«Тишина!» вздыхаетъ бѣлая поляна.

5.

Домой! Черезъ озеро, въ пышномъ лиловомъ
туманѣ. . . .
Надъ синимъ холмомъ расцвѣла на окошкѣ свѣча.
Вдали убѣгаютъ, болтая бубенчикомъ, сани,
И бѣлыя мухи садятся гурьбой вдоль плеча. . . .
Подъ снѣгомъ и льдомъ дышатъ сонныя, тихія
щуки.
Надъ прорубью въ дымкѣ маячитъ безмолвный
рыбакъ,
А вѣтеръ играетъ и дуетъ въ иззябшія руки
И съ визгомъ уноситъ въ снѣга перекличку
собакъ. . . .
Тамъ дома добуду въ печуркѣ горячихъ картошекъ,
Подую на пальцы — и съ солью зернистою въ ротъ,
Раздую лучину. . . . Въ сѣняхъ изъ-подъ старыхъ
лукошекъ
Достану салазки — и свисну у нашихъ воротъ!
Сосѣдскій Ильюшка примчится веселою рысью, —
Охъ, трудно въ тулупчикъ рукою попасть на ходу,
Я сяду, онъ сядетъ — и съ холмика тропкою лисьей
Помчимся, помчимся, помчимся, какъ птицы
къ пруду! . . .

• БАЛЪ ВЪ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

1.

Пѣхотный Вологодскій полкъ
Прислалъ нарядъ оркестра.
Сычъ-капельмейстеръ, сивый волкъ,
Былъ опытный маэстро.
Собрались рядомъ съ залой въ классъ,
Чтобъ рокотъ трубъ былъ глуше.
Курлыкнулъ хрипло мѣдный басъ,
Насторожились уши.
Басы сверкнули вдоль стѣны,
Кларнеты къ флейтамъ сѣли, —
И вотъ надъ мигомъ тишины
Вальсъ томно вывелъ трели . . .
Качаясь, плавные лады
Вплываютъ въ залъ лучистый,
И фей коричневыхъ ряды
Взметнули гимназисты.
Напѣвъ сжалъ юность въ зыбкій плѣнъ,
Что въ мірѣ вальса краше?
Пусть тамъ сморкаются у стѣнъ
Папаши и мамаши. . .
Не вся ли жизнь хмельной потокъ
Надъ райской панорамой?
Поручикъ Жмыхъ пронесся вбокъ
Съ расцвѣтшей классной дамой.

У двери всталъ, какъ сталактитъ,
Блестя иконостасомъ,
Самъ губернаторъ Фанъ-деръ-Флитъ
Съ директоромъ Очкасомъ:
Директоръ — прѣсный, бритый фактъ,
Гость — холоднѣй сугроба,
Но правой ножкой тайно въ тактъ
Подрыгиваютъ оба.
Въ простѣнкѣ — блѣдный гимназистъ,
Нѣмой Монбланъ презрѣнья.
Мундиръ до пятокъ, станъ, какъ хлыстъ,
А въ сердцѣ лава мщенья.
Онъ презираетъ потолокъ,
Оркестръ, паркетъ и люстры,
И ротъ кривится поперекъ
Усмѣшкой Заратустры.
Мотивъ презрѣнья старъ, какъ міръ. . .
Вся жизнь въ туманѣ сѣромъ:
Его коричневый кумиръ
Танцуетъ съ офицеромъ!

2.

Антрактъ. Гудящій коридоръ,
Какъ улей, полонъ гула.
Напрасно классныхъ дамъ дозоръ
Скользитъ чредой сутулой.
Любовь влетаетъ изъ окна
Съ кустовъ ночной сирени,
И въ каждой парѣ глазъ весна
Поетъ романсъ весенній.
Вотъ даже эти, тамъ и тутъ,
Совсѣмъ еще дѣвчонки,
Ровесниковъ глазами жгутъ
И теребятъ юбчонки.
Но третьеклассники мудрѣй,
У нихъ одна лишь радость:
Сбѣжать подъ лѣстницу скорѣй
И накуриться въ сладость . . .
Солдаты въ классѣ, развалясь,
Жуютъ тартинки съ мясомъ.
Усатый унтеръ спитъ, склонясь,
Надъ геликономъ-басомъ.
Румяный карликъ-кларнетистъ
Слюну сквозь клапанъ цѣдитъ.
У двери — блѣдный гимназистъ
И розовая лэди.

«Увы! У женщинъ нѣтъ стыда...
Продать за шпоры душу!»
Она, смѣясь, спросила: «да?»
Вонзая зубы въ грушу...
О, какъ прекрасенъ милый ротъ
Любимой гимназистки,
Когда она, шаля, грызетъ
Огрызокъ зубочистки!
Въ ревнивой мукѣ смотритъ въ полъ
Отелло-проповѣдникъ,
А лэди оперлась о столъ,
Скосивъ глаза въ передникъ.
Не видитъ? Глупый падишахъ!
Дразнить слѣпцовъ пріятно.
Зачѣмъ же жалость на щекахъ
Зажгла пожаромъ пятна?
Но синихъ глазъ не укротить,
И сердце длитъ причуду.
«Куда ты?» — «Къ шпорамъ.» — «Что
за прыть?»
«Отстань! Хочу и буду.»

3.

Гремитъ мазурка — вся призывъ.
На люстрахъ пляшутъ бусы.
Какъ пристяжныя, лбы склонивъ,
Летитъ народъ безусый.
А гимназистки-мотыльки,
Откинувъ ручки влѣво,
Какъ одуванчики легки,
Плывутъ подъ плескъ напѣва.
Въ передней парѣ дирижеръ,
Поручикъ Грумъ-Борковскій,
Впередъ плечомъ, подъ рокотъ шпоръ
Бѣснуется чертовски.
Съ размаху на колѣно ставъ,
Вокругъ обводитъ лэди
И вдругъ, взметнувшись, какъ удавъ,
Летитъ, краснѣе мѣди.
Рѣсницы долу опустивъ,
Она струится рядомъ,
Вся огнедышащій порывъ
Съ лукаво-скромнымъ взглядомъ . . .
О, ревность, раненая лань!
О, ревность, тигръ грызущій!
За бортъ мундира сунувъ длань,
Блѣднѣетъ классикъ пуще.

На гордый взглядъ, — какой цинизмъ! —
Она, смѣясь, кивнула...
Юнецъ, кляня милитаризмъ,
Сжалъ въ гнѣвѣ спинку стула.
Домой?.. Но дома стукъ часовъ,
Бѣлинскій надъ кроватью,
И бредъ полночныхъ голосовъ,
И гулъ въ вискахъ... Проклятье!
Сжавъ губы, строгій, словно Дантъ,
Выходитъ онъ изъ залы.
Онъ не армейскій адъютантъ,
Чтобъ къ ней итти въ вассалы!..
Вдоль коридора лунный дымъ
И паръ неясныхъ пятна,
Но пепиньерки мчатся къ нимъ
И гонятъ въ залъ обратно.
Ушелъ бѣднякъ въ пустынный классъ,
На парту сѣлъ, вздыхая,
И, злясь, курилъ тамъ цѣлый часъ
Подъ картою Китая.

4.

Съ Дуняшей горничной домой
Летитъ она, болтая.
За ней вдоль стѣнъ, укрытыхъ тьмой,
Крадется тѣнь худая . . .
На сердцѣ легче: офицеръ
Остался видно съ носомъ.
Вонъ онъ, гремя, нырнулъ за скверъ
Нахмуреннымъ барбосомъ.
Передникъ бѣлый въ лунной мглѣ
Змѣится изъ-подъ шали.
И слаще арфы — по землѣ
Шаги ея звучали. . .
Смѣшно! Она косится вбокъ
На мрачнаго Отелло.
Позвать? Ни-ни. Глупцу — урокъ,
Ей это надоѣло!
Дуняша, юбками пыля,
Склонясь, въ ладонь хохочетъ,
А вдоль бульвара тополя
Вздымаютъ вѣтви къ ночи.
Надъ садомъ — перья зыбкихъ тучъ.
Сирень исходитъ ядомъ.
Сейчасъ въ парадной щелкнетъ ключъ,
И скорбь забьетъ каскадомъ . . .

Не онъ ли для нея вчера
Выпиливалъ подчасникъ?
Нагнать? Но тверже топора
Угрюмый восьмиклассникъ:
Въ глазахъ — мазурка, адъютантъ,
Вертящіяся штрипки,
И разлетающійся бантъ,
И ложь ея улыбки...
Пришли. Крыльцо, какъ темный гробъ,
Какъ вѣчный склепъ разлуки.
Прижавъ къ забору жаркій лобъ,
Сжимаетъ классикъ руки.
Рычитъ замокъ, жестокій звѣрь,
Въ груди — тупое жало.
И вдругъ... толкнувъ Дуняшу въ дверь,
Она съ крыльца сбѣжала.
Мерцали блики лунныхъ струй
И ширились все больше.
Минуту длился поцѣлуй!
(А, можетъ быть, и дольше.)

ПОЖАРНЫЙ.

Въ гудящемъ перезвонѣ
Плывутъ углы и рвы . . .
Летятъ шальные кони
Раскормленные львы.
Пожарный въ свѣтлой каскѣ,
Усатый кумъ-Пахомъ,
Качаясь въ мѣрной пляскѣ,
Стоитъ надъ облучкомъ.
«Тра-ра! Пошли съ дороги! . .»
Звенитъ-поетъ труба.
Гремя промчались дроги
У самаго столба.
Блестятъ на солнцѣ крупы
Лоснящихся коней.
Въ догонку мальчикъ глупый
Понесся изъ сѣней . . .
Крикъ бабъ и визги шавокъ.
Свистки! Галдежъ! Содомъ!
На площади у лавокъ
Горитъ-пылаетъ домъ.

Кони стали. Слѣзъ Пахомъ...
Ну-ка, лѣстницу живѣе!
Вьются дымчатыя змѣи . . .
Пламя въ бѣшенствѣ лихомъ,
Словно рыжій дикій локонъ
Вырывается изъ оконъ...
Но пожарный нашъ не трусъ:
Слившись съ лѣстницею зыбкой
Вверхъ карабкается шибко,
Улыбаясь въ черный усъ.
Изогнувшись, словно бѣсъ,
Возлѣ крыши въ люкъ мансарды
Прыгнулъ легче леопарда
И исчезъ...
Дымъ и пламень... Трескъ и вой,
А внизу
Верещитъ городовой,
Людъ гудитъ, какъ лѣсъ въ грозу...
Свищутъ юркіе мальчишки,
Взбудораженные Гришки —
И струя воды столбомъ
Лупитъ въ домъ!
Двѣ минуты — три — и пять...
Ахъ, какъ долго надо ждать!
Изъ раскрытаго окна,
Раздвигая дымъ янтарный,
Черный, словно сатана,
Появляется пожарный:
А подъ мышкой у Пахома
Спитъ трехлѣтній мальчикъ Дема,

Прислонясь къ щекѣ усатой
Головенкою лохматой...
Мать внизу кричитъ и плачетъ.
Верховой куда-то скачетъ.
Эй, воды, еще — еще!
Гаснетъ пламя. Паръ шипящій
Всталъ надъ домомъ бѣлой чащей,
Хорошо!

Переулками сонными ѣдетъ обратно обозъ,
Разгоняя бродячее стадо взлохмаченныхъ козъ.
Кони шеи склонили и пѣна на землю летитъ.
На послѣдней повозкѣ Пахомъ утомленный сидитъ.
Надъ заборами буйно синѣетъ густая сирень,
Дымъ изъ трубки Пахома струится, какъ сизая
тѣнь...
Наклонился Пахомъ — и слегка покачалъ головой:
Вся ладонь въ пузыряхъ... Ничего, заживетъ,
не впервой!
Капли пота и сажи ползутъ по горячей щекѣ,
Кони тихо свернули за церковь къ болтливой рѣкѣ.
Солнце вспыхнуло въ каскѣ багровой закатной
свѣчей...
За амбаромъ кружитъ голубокъ надъ родной
каланчей.

РЕПЕТИТОРЪ.

Танѣ Львовой захотѣлось въ медицинскій институтъ.
Дядя нанялъ ей студента, долговязаго, какъ прутъ.

Каждый день въ пустой гостиной онъ, крутя свой
длинный усъ,
Объяснялъ ей imperfectum и причастія на «us».

Таня Львова, какъ дѣтенышъ, важно морщила свой носъ
И, выпячивая губки, отвѣчала на вопросъ.

Но порой, борясь съ дремотой, вдругъ лукавый быстрый
взглядъ
Отвлекался отъ латыни за окно, въ тѣнистый садъ . . .

Тамъ, въ саду, такъ много яблокъ на дорожкахъ и
въ травѣ:
Такъ и двинула-бъ студента по латинской головѣ!

О ЧЕМЪ ПОЕТЪ САМОВАРЪ.

Въ животѣ горячо, въ животѣ бурлитъ...
Держите меня! Сейчасъ убѣгу!
Въ стекла маленькій, сѣренькій дождикъ стучитъ...
И-и-и! У-у-у!
    Буръ-Буръ! Окно запотѣло...
Какое мнѣ дѣло?
На улицѣ сырость-слякоть-лужицы... Эхъ!
Напою и согрѣю всѣхъ:
Веселыхъ, суровыхъ,
Больныхъ и здоровыхъ,
Большихъ и крошечныхъ-маленькихъ
И самыхъ сѣденькихъ-старенькихъ, —
Въ кишкахъ теплѣе, —
На свѣтѣ милѣе...
Пафъ!
Гдѣ мальчикъ Васенька? Спитъ-спитъ-спитъ.
Глазки опухли...
Чайникъ простынетъ! Чаинки разбухли...
Пусть скорѣй-поскорѣй прибѣжитъ, —
Сморщитъ кожицу,
Сдѣлаетъ рожицу,
Посмотритъ въ мой мѣдный свирѣпый животъ
И фыркнетъ во весь бѣлозубый свой ротъ...

Кто дразнится, кто тамъ поетъ на полу, —
У печки — за шваброй — въ углу?
Котъ!
Пуфъ! Обормотъ.
Тоже сокровище.
Буль-буль-буль, подойди-ка, чудовище, —
Я-тебя, я-тебя, я-тебя каплей горячею въ носъ!
Что-съ?
Пафъ! Испугался, убрался подъ шкафъ...
Жду-жду... Скучно мнѣ тутъ.
Пи!
Изъ крана крупныя слезы текутъ.
Пи!
Ошалѣлъ отъ угара,
Задохся отъ пара,
Угольки раскалились, шипятъ и звенятъ.
Ахъ!
Буръ-буръ-буръ! Я сердитъ, — я волнуюсь —
бурлю-клокочу.
Унесите меня... Не хочу!
Обливается потомъ камфорка и бокъ,
Паръ свиститъ, паръ пищитъ, какъ пожарный
свистокъ!..
Распа-я-юсь! Подлейте во-ды! Не мо-гу!
И-и-и! У-у-у!

ЗМѢЙ.

Облака плывутъ надъ пашней...
Изъ газетины вчерашней
Надо змѣя смастерить.
Раму склеимъ изъ лучинокъ,
Хвостъ изъ розовыхъ шерстинокъ.
Ну а нить?

Нить? У бабушки въ коробкѣ
Есть большой мотокъ для штопки,
Мигомъ къ бабушкѣ, айда́!
Ты голубушка! Ты дусикъ!
Ты милѣе всѣхъ бабусекъ!
Можно, да?

Въ мірѣ нѣтъ добрѣй старушки...
Сѣли рядомъ у опушки
Перематывать клубокъ.
Справа — маки, слѣва — лютикъ,
Не спѣши, верти на прутикъ —
Въ колобокъ!

Синькой — вывели глазищи,
Углемъ — брови и усищи,
Клюквой — двѣ ноздри и ротъ...
Хвостъ, какъ шлейфъ у генеральши...
Заноси-ка! Дальше, дальше!
До воротъ!

*

Змѣй прыгнулъ вбокъ, метнулся ввысь —
    Пора...
Какъ конь во всю помчался рысь,
    Ура!
Но нитка держитъ на вожжахъ,
    Шалишь!
Въ лазури — бѣлая межа
    И тишь...
А вѣтеръ хвостъ относитъ вбокъ —
    Пускай...
Быстрѣй разматывай клубокъ,
    Лѣнтяй!
Гудитъ нашъ змѣй, какъ паровозъ...
    Жара.
Эй, змѣй! Ты выше всѣхъ березъ!
    Ура!...

*

Взяли промокашку,
Сдѣлали старикашку,
Проткнули въ животѣ калитку,
Посадили его на нитку...
Ишь!
Запищалъ, какъ мышь,
Растопырилъ ручки,
Задралъ брючки
И помчался кверху по ниткѣ все прямо
    да прямо:
Это мы послали солнцу телеграмму.

ПУШКИНЪ.

Надъ столомъ въ цвѣтной парчевой рамѣ
Старшій братъ мой, ясный и большой,
Пушкинъ со скрещенными руками, —
Свѣтлый щитъ надъ темною душой...

Наша жизнь — предсмертная отрыжка...
Тѣмъ полнѣй напѣвъ кастальскихъ струй!
Вонъ на полкѣ маленькая книжка, —
Вся она, какъ первый поцѣлуй.

На Литвѣ, на хуторѣ «Березки»
Жилъ рязанскій бѣженецъ Ѳедотъ.
Цѣлый день строгалъ онъ, молча, доски,
Утирая рукавами потъ.

Въ лѣтній день, замученный одышкой
(Не легко колоть дрова въ жару),
Я зашелъ, зажавъ топоръ подъ мышкой,
Навѣстить его и дѣтвору.

Мухи всѣ картинки засидѣли,
Хлѣбный мякишъ высохъ и отсталъ.
У окна близъ образа висѣли
Пушкинъ и турецкій генералъ.

Генералъ Ѳедоту былъ извѣстенъ,
Пушкинъ, къ сожалѣнью, незнакомъ.
За картузъ махорки (я былъ честенъ)
Я унесъ его, ликуя, въ домъ.

Мухъ отмылъ, — разгладилъ въ старой
книжкѣ...
По краямъ заискрилась парча —
И вожу съ собою въ сундучишкѣ,
Какъ бальзамъ отъ русскаго бича.

Жилъ, вѣдь, онъ! Раскрой его страницы,
Затаи дыханье и читай:
Наша плаха — станетъ небылицей,
Смолкнутъ стоны, стихнетъ хриплый лай...

Пусть Демьяны, новый видъ зулусовъ,
Надъ его страной во мглѣ бренчатъ —
Никогда, пролеткультурный Брюсовъ,
Не вошелъ бы онъ въ вашъ скиѳскій адъ!

Жизнь и смерть его для насъ, какъ рана,
Но душа спокойна за него:
Слава Богу! Онъ родился рано,
Онъ не видѣлъ, онъ не слышалъ ничего...

ПАМЯТИ Л. Н. АНДРЕЕВА.

Давно надъ равниною русской, какъ вѣтеръ печальный
и буйный,
Кружилъ онъ взволнованной мыслью, искалъ и томился
и звалъ.
Не вѣрилъ проклятому быту и, словно потокъ много-
струйный,
Срываясь съ утесовъ страданья, и хрипло и дико рыдалъ.

Съ безсонною жаждой и гнѣвомъ стучался онъ въ
вѣчныя двери,
И сталкивалъ смерчи безвѣрья и мучилъ себя и другихъ...
Прекрасную «Синюю Птицу» терзаютъ косматые звѣри,
Жизнь — черная смрадная яма, костеръ изъ слѣпыхъ и
глухихъ.

Мы знали «пугаетъ — не страшно», но грянуло гроз-
ное эхо.
И, словно по слову пророка, безумный надвинулся
шквалъ:
Какъ буря, взметнулись раскаты кроваваго «Краснаго
Смѣха»,
Костлявый и жуткій «Царь Голодъ» съ «Анатэмой»
началъ свой балъ.

Съ распятымъ замученнымъ сердцемъ одно только
слово «Россія»,
Одно только слово «спасите» кричалъ онъ въ свой
рупоръ тоски,
Кричалъ онъ въ пространство, метался, смотрѣлъ,
содрогаясь, на Вія,
И сильное, чуткое сердце, уставъ, разорвалось въ
куски . . .

Подъ тѣнью финляндскаго бора лежитъ онъ печально
и тихо,
Чужой и холодной землею забиты нѣмыя уста.
Хохочетъ и воетъ и свищетъ безглазое русское Лихо,
Молчитъ безотвѣтное небо, — и даль безнадежно пуста.

* * *

Ахъ, зачѣмъ нѣтъ Чехова на свѣтѣ!
Сколько вздорныхъ — пѣшихъ и верхомъ,
Съ багажемъ готовыхъ междометій
Осаждало въ Ялтѣ милый домъ . . .

День за днемъ толклись они, какъ крысы,
Словно онъ былъ міровой боксеръ.
Онъ шутилъ, смотрѣлъ на кипарисы
И, прищурясь, слушалъ скучный вздоръ.

Я-бъ тайкомъ пришелъ къ нему иначе:
Если-бъ жилъ онъ, — горькія мечты!
Подошелъ бы я къ рѣшеткѣ дачи
Посмотрѣть на милыя черты.

А когда-бъ онъ тихими шагами
Подошелъ случайно вдругъ ко мнѣ, —
Я-бъ, склонясь, закрылъ лицо руками
И исчезъ въ вечерней тишинѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВОЙНА.

НА ЛИТВѢ.

ЧУЖОЕ СОЛНЦЕ.

РУССКАЯ ПОМПЕЯ.

450

Складъ изданія:
Russische Bücherzentrale „Obrasowanije“ G. m. b. H.
Berlin, Nürnberger Strasse 65

